5
71980
Н
НА ДОМ
НЕ ВЫДАЕТСЯ
Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ
Проверка
2007
722033
08

Прив.-доц. Питиримъ Сорокинъ.

„Національность, національный вопросъ и соціальное равенство".

35467

«La métaphysique, en consacrant cet esprit absolu de nationalité exclusive, tend directement à entraver le développement de la reorgranisation sociale et â faire rétrograder la politique moderne au dessous de celle du moyen âge» ..

Aug. Comte. Cours de philos. positive, ш IV. 46-éme leçon.

— Въ ряду вопросовъ, горячо и страстно обсуждаемыхъ теперь, чуть ли не первое мѣсто принадлежитъ національному вопросу и проблемамъ, связаннымъ съ нимъ. Такой фактъ не удивителенъ, но удивительно то, что спорящіе нерѣдко едвали и сами знаютъ, изъ за чего они ломаютъ копья... Поставьте большинству изъ нихъ ясно и категорически вопросъ: «Что такое національность? Каковы ея элементы? Въ чемъ ея отличительные признаки? И вмѣсто отвѣта вы получите либо молчаніе, либо нѣчто вразумительное, но невѣрное, либо, наконецъ, отвѣтъ быть можетъ, и вѣрный, но смысла котораго ни мы, ни самъ «отвѣчатель», понять не въ состояніи. Посмотримъ, такъ ли обстоитъ дѣло. Начнемъ съ той категоріи теоретиковъ національности, которые говорятъ, быть можетъ, и вѣрное, но никому не понятное. Что же они понимаютъ подъ національностью?— А вотъ что... «Всякое національное бытіе... въ своихъ послѣднихъ предѣлахъ должно мыслиться однимъ изъ много-

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. Горького

численныхъ проявленій абсолютнаго». «Мы должны понимать эту войну не какъ войну противъ національнаго духа нашего противника, а какъ войну противъ злого духа, овладѣвшаго національнымъ сознаніемъ Германіи», и исказившаго «метафизическую основу» нѣмецкой національности. . Читатель! Вы понимаете?—Я, каюсь,—нѣтъ. Впрочемъ, я понимаю одно, что въ эти фразы можно всунуть любое содержаніе: и Бога, и Сатану. Такъ пишутъ философы (Франкъ). А вотъ и другой примѣръ изъ П. Струве.

Національность это «существо мистическое», «сверхразумное и внѣразумное». Или націонализмъ представляетъ... дѣятельное отрицаніе (Св. Софіи). А «Софія»—это «тотъ міръ вѣчныхъ идей или первообразовъ, которые были положены Богомъ въ основу творенія»; это—«тварь въ современной и окончательной формѣ, тварь—какъ она должна быть въ вѣчности, тварь—какой ее хочетъ Богъ» (Е. Трубецкой).

Не буду больше приводить примѣровъ. Процитированное достаточно говоритъ за себя тѣмъ, кто въ сужденіяхъ и въ словахъ привыкъ искать смысла. Посмотримъ теперь, что говорятъ тѣ, которые не тонутъ въ фразахъ и слова которыхъ понять не трудно. Публицисты, ученые и теоретики этого класса вполнѣ правильно въ націи или въ національности видятъ не метафизическій принципъ, не какую-то таинственную «внѣ и сверхразумную сущность», а группу или союзъ людей, обладающихъ тѣми или иными признаками, иначе говоря, объединенныхъ той или иной связью. Каковы же, спрашивается, эти признаки?

Разсмотримъ бѣгло выдвигавшіеся принципы.

а) Однимъ изъ такихъ признаковъ, по мнѣнію многихъ лицъ, является «единство крови», или иначе, единство расы. Корни этой теоріи уходятъ далеко въ прошлое. Въ ней повинны многіе ученые, начиная съ языковѣдовъ, въ родѣ Ф. Боппа, и кончая сторонниками графа Гобино-Аммона, Лапужа, Вольтмана, Реймера и лицами вродѣ историка Трейчке и его ученика генерала Бернгарди.

Въ наше время нѣтъ надобности, критиковать подробно это мнѣніе. Оно давно уже опровергнуто. Достаточно сказать, что теорія чистыхъ расъ оказалась мифомъ *); ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ, напр, и спеціально нѣмецкой или англійской крови. Въ наше время чистота крови сохраняется развѣ только на конскихъ заводахъ, выводящихъ «чистокровныхъ» жеребцовъ, да въ хлѣвахъ іоркширскихъ свиней, да и тамъ кажется не этимъ «расовымъ» признакомъ обусловливается «симпатія» одного коня къ другому. Въ мірѣ же людей указываемый признакъ единства крови и единства расы, какъ критерій національности рѣшительно не годенъ. Когда мы говоримъ: «Ивановъ и Петровъ — одной національности», то, конечно, не потому, что мы изслѣдовали химическій составъ ихъ крови, установили черепные показатели того и другого, изгибъ носа, разрѣзъ глазъ и т. д., а по какимъ-то инымъ основаніямъ, ничего общаго неимѣющимъ съ теоріей единства расы.

в) Многіе изслѣдователи видятъ отличительный признакъ національности въ единствѣ языка. Люди, говорящіе однимъ языкомъ, принадлежатъ къ одной національности, таково основное положеніе этого теченія. Данная теорія національности едва ли не самая популярная и самая распространенная. Однако, отъ этого она не становится ещеистинной.

*) По Ж. Фино, напр., германская раса съ антропол. точки зрѣнія представляетъ смѣсь поляковъ, ободритовъ, вендовъ и др. славянскихъ племенъ. «Первобытные пруссаки, оказывается, не имѣли ничего общаго съ германцами. Ихъ настоящее имя было Боруссъ, языкъ ихъ былъ похожъ на литовскій» и т. д.

Тотъ же авторъ французскую кровь или расу считаетъ составленной изъ крови аквитанцевъ, силуровъ, иберійцевъ, басковъ, васконовъ, свеговъ, либійцевъ, сардоновъ, битуриновъ, вандаловъ, венедовъ, гельветовъ, поляковъ, вендовъ, кимвровъ, вестготовъ, аллемановъ, франковъ, евреевъ, сарациновъ, этрусковъ, белговъ, пеласговъ, аваровъ и т. д. То-же относится и къ любой расѣ. См. его «Агонія и смерть чел. расъ». С. 15, 85; его же «Предразсудокъ расъ» (фр. изданіе). См. также Oppenheimer: Die rassentheoretische geschichtsphilosophie въ «Verhandlungen» 2-го нѣмецкаго конгресса соціологовъ, посвященнаго проблемѣ національности. 1913.

Если бы языкъ былъ такимъ рѣшающимъ признакомъ, то тѣхъ лицъ (а таковыхъ не мало), которыя одинаково хорошо и съ дѣтства владѣютъ нѣсколькими языками, пришлось бы признать денаціонализированными, а слѣд, венгерцы, владѣющіе и венгерскимъ и нѣмецкимъ языками, не могли бы считать себя венгерской національностью. То же относилось бы и ко всѣмъ «многоязычнымъ» лицамъ и народамъ. Во вторыхъ, люди, обычно принадлежащіе къ различнымъ націямъ *), напр., англичане и американцы, разъ они говорятъ на англійскомъ языкѣ, должны были бы составить тогда одну англійскую націю; американской націи, какъ не обладающей собственнымъ языкомъ, тогда не могло бы быть. И обратно: туринецъ, сициліецъ и миланецъ не могли бы принадлежать къ одной итальянской націи, т. к. ихъ говоры весьма далеки другъ отъ друга. Въ третьихъ, если даже и принять этотъ признакъ, то мы не избавляемся этимъ отъ цѣлаго ряда противорѣчій и сомнѣній. Первое сомнѣніе гласило-бы: насколько расходящимися должны быть языки или нарѣчія, чтобы языкъ, а соотвѣтственно и народъ, говорящій имъ, могли быть признанными въ качествѣ самостоятельныхъ національныхъ единицъ? Если это расхожденіе должно быть основнымъ, тогда пришлось бы признать, напр., національностью только славянство, и объединить въ эту національность такія группы, какъ великороссы, малороссы, поляки, сербы, болгары, русины и т. д. Каждый изъ этихъ народовъ въ отдѣльности не могъ бы составить національность, ибо языки ихъ болѣе или менѣе близки. То же нужно-было бы сказать и о французахъ, итальянцахъ и румынахъ, какъ единицахъ, говорящихъ на языкахъ родственныхъ. И они порознь тогда не могли бы называться націей и національностью, а должны были бы составить одну «романскую» національность. Въ итогѣ мы получаемъ картину, рѣшительно расходящуюся съ обычнымъ пониманіемъ этого термина.

*) Въ дальнѣйшемъ авторъ употребляетъ термины: «нація и національность» какъ тождественные.

Если же это различіе языковъ должно быть незначительнымъ, то мы попадаемъ въ новую крайность. Почему тогда это различіе не уменьшить и вмѣсто русскаго, польскаго, украинскаго языковъ или нарѣчій, не считать такимъ достаточнымъ различіемъ простое отличіе говоровъ. Логическихъ препятствій для этого нѣтъ. Тогда вмѣсто русской, польской и украинской національности изъ одной великорусской народности выкроились бы нижегородская, ярославская, московская, вологодская и др. національности. Терминъ «языкъ»,—не есть нѣчто абсолютно опредѣленное и сплошь и рядомъ подмѣняется терминами «нарѣчіе», а иногда и «говоръ». Какъ видимъ, и здѣсь нѣтъ спасенія.

Наконецъ, если бы все дѣло было въ языкѣ, то едва ли можно было бы говорить о русской національности, или о національности бельгійской или англійской. Полякъ, малороссъ, еврей, черемиссъ, калмыкъ, вотякъ, молдаванинъ и т. д. въ этомъ случаѣ не могли бы говорить о «русскомъ патріотизмѣ», о «русскомъ отечествѣ», считать себя по національности «русскими» и наклеивать на себя значекъ «Россіи», какъ того единства, къ которому они себя относятъ. То же относится и къ Англіи или Бельгіи, въ составъ которыхъ входятъ народы, говорящіе на самыхъ различныхъ языкахъ. А между тѣмъ въ рѣчахъ и статьяхъ текущаго момента говорится именно и главнымъ образомъ не о черемисскомъ, вотяцкомъ или калмыцкомъ патріотизмѣ и національности, а именно о русской, не о валлонской или фламандской, а о бельгійской и т. д.

Эти краткіе штрихи показываютъ, что на почвѣ одного языка нельзя построить зданіе національности.

с) То же можно сказать и о всѣхъ другихъ признакахъ, выдвигавшихся въ этой области. Такимъ признакомъ не можетъ быть ни религія, ибо люди относящіе себя къ одной національности, сплошь и рядомъ исповѣдуютъ различную религію, и обратно, люди, принадлежащіе къ одной религіи, сплошь и рядомъ являются представителями различныхъ націй. Не является искомымъ признакомъ и

общность экономическихъ интересовъ, такъ какъ очень часто (если не всегда) экономическіе интересы русскаго рабочаго меньше противорѣчатъ экономическимъ интересамъ нѣмецкаго пролетарія, чѣмъ русскаго капиталиста. Не могутъ быть искомымъ признакомъ націи и единство правящей династіи или, какъ указываютъ многіе,—«единство историческихъ судебъ». Послѣднія—весьма измѣнчивы и текучи. Сегодня они объединили въ одно цѣлое грековъ, сербовъ, болгаръ и черногорцевъ противъ турокъ, а завтра тѣ же «судьбы» разъединили союзниковъ и сдѣлали ихъ врагами.

Но можетъ быть искомымъ критеріемъ служитъ единство морали, права и нравовъ? Увы! нѣтъ! Кому же не извѣстно, что разница между русскимъ крестьяниномъ и русскимъ «бариномъ» въ этомъ отношеніи гораздо большая, чѣмъ между русскимъ бариномъ и «нѣмецкимъ» аграріемъ.

Тогда быть можетъ искомый иксъ заключается въ единствѣ міровоззрѣнія, въ единствѣ философіи? Опять таки нѣтъ. Міровоззрѣніе русскихъ соціалъ-демократовъ и нѣмецкихъ соціалистовъ, или нѣмецкихъ философовъ и русскихъ философовъ, нерѣдко сходно, а по національности они относятъ себя къ различнымъ центрамъ и теперь стоятъ во враждебныхъ націяхъ.

Поищемъ еще другихъ признаковъ. Нѣкоторые указываютъ на единство культуры, какъ на отличительную черту національности. Но развѣ это «туманное пятно» не состоитъ какъ разъ изъ тѣхъ элементовъ, о которыхъ только что шла рѣчь? Выбросьте изъ «культуры» языкъ, религію, право, нравственность, «экономику» и т. д., и отъ «культуры» останется пустое мѣсто.

d) Есть еще одна попытка установить понятіе и сущность національности путемъ подчеркиванія психологической природы этого явленія. Національность говорятъ сторонники этой теоріи, это «сознаніе своей принадлежности къ опредѣленному политическому тѣлу, вызываемое различными причинами—рели-

гіозными, экономическими, правовыми, единствомъ языка, историческихъ традицій, и т. д.

Если вдуматься въ это опредѣленіе, то мы видимъ, что здѣсь центръ тяжести лежитъ въ психологическомъ отнесеніи себя къ тому или иному обществу или группѣ. Но ясно, что и это опредѣленіе только ставитъ, а не рѣшаетъ вопросъ. Примѣръ: я, какъ журналистъ, отношу себя къ опредѣленному соціальному тѣлу — къ моей редакціи (группѣ людей), какъ православный — къ опредѣленной церкви (то же группѣ), какъ «подданный» Россіи — къ русскому государству (то же группа), какъ говорящій на русскомъ, эскимосскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ я отношу себя ко всѣмъ лицамъ, говорящимъ на нихъ (то же группы) и т. д. Во всѣхъ случаяхъ у меня на лицо «сознаніе своей принадлежности» къ той или иной группѣ. Которая же изъ нихъ будетъ моей націей? Которое изъ этихъ «сознаній» будетъ моимъ «національнымъ» сознаніемъ? Какіе именно интересы изъ перечисленныхъ я долженъ считать «національными»? Въ отдѣльности, повидимому, ни одна изъ этихъ связей не есть національная связь, а вмѣстѣ взятыя, онѣ не покрываютъ другъ друга и противорѣчатъ одна другой. Теорія не даетъ опредѣленія, а потому и ее приходится отвергнуть. И она «туманна, неясна и не вѣрна».

Въ итогѣ, какъ видимъ, ни одна изъ теорій не удовлетворяетъ и не знаетъ, что такое національность *).

*) Сказанное относится и ко всѣмъ тѣмъ теоріямъ, которыя опредѣляютъ національность, какъ «коллективную душу» и т. д. Вѣдь и церковь и редакція, и классъ, и каста — то же «коллект. души». Что же является характернымъ для «національной коллективной души»? — Отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ, если не считать пустыя слова. Образцомъ этого «словозвонства» можетъ служить извѣстная книга О. Бауэра, а болѣе новымъ—доклады нѣмецкихъ соціологовъ въVerhandlungen des Zweiten Deutsch. Soziologentages 1913. И тутъ, и тамъ—постоянное смѣшеніе государства, родины, національности, народа, etc., будто это вещи однородныя.

Но, могутъ спросить меня вѣдь существуютъ же, напр., поляки, не составляющіе пока одного государства и тѣмъ не менѣе представляющее одно цѣлое. Неужели же это не фактъ? Неужели еще нужно доказательствъ?

— Да, конечно, существуютъ, отвѣчу я, но связь объединяющая ихъ, или языкъ, или религія, или общія историческія воспоминанія и т. д., т. е. одна изъ вышеуказанныхъ связей, сама по себѣ, какъ мы видѣли, не достаточная для установленія и кристаллизаціи національности. А во вторыхъ, не слѣдуетъ забывать и того, что какое-нибудь соединеніе людей можетъ считаться соціальнымъ цѣлымъ, самостоятельной единицей, лишь въ томъ случаѣ, когда это соединеніе по своимъ соціальнымъ функціямъ или соціальной роли представляетъ нѣчто единое, когда его части дѣйствуютъ въ одномъ направленіи и преслѣдуютъ однѣ цѣли. Видимъ ли мы это на примѣрѣ Польши? Увы! нѣтъ. Въ данной войнѣ поляки Россіи и поляки Австріи имѣли сплошь и рядомъ только общее имя и... больше ничего, ихъ политика нерѣдко была противоположной («Русская и австрійская оріентація» etc). Кто удовлетворяется однимъ именемъ и придаетъ ему «магическое» значеніе, тотъ можетъ довольствоваться такимъ пониманіемъ національности. Сторонникъ же реалистической соціологіи едва ли припишетъ простой общности «имени» свойство и способность обоснованія «національной» группировки людей. Сказанное о полякахъ съ соотвѣтствующими измѣненіями примѣнимо и къ любой «націи».

Что же мы имѣемъ въ итогѣ? — Довольно странный выводъ: въ процессѣ анализа національность, казавшаяся намъ чѣмъ-то цѣльнымъ, какой-то могучей силой, какимъ-то отчеканеннымъ соціальнымъ слиткомъ, — эта «національность» распалась на элементы, и исчезла.

Выводъ гласитъ: національности, какъ единаго соціальнаго элемента, нѣтъ, какъ нѣтъ и спеціально національной связи. То, что обозначается этимъ словомъ, есть просто

результатъ нерасчлененности и не глубокаго пониманія дѣла. Если мы назовемъ плохимъ ученымъ того химика, который сказалъ бы, что химическимъ элементомъ является вода или кусокъ бутерброда, то такими же плохими соціологами являются и всѣ тѣ многочисленные трубадуры—поносители и восхвалители національности,—которыми теперь хоть «прудъ пруди». Сознаю, что этоутвержденіе смѣлое, кажущееся парадоксальнымъ, но тѣмъ не менѣе, это такъ.

Чувствую, что читатель все еще сомнѣвается и никакъ не можетъ согласиться со мной: А «еврейскій вопросъ»? а «армянскій вопросъ»? а «украинскій вопросъ»? а «польскій вопросъ»? а «инородческій вопросъ»? Развѣ все это не проявленіе той же «національности», (легкомысленно отрицаемой мною), развѣ все это не «національные вопросы»—спросятъ меня и, пожалуй, чего добраго, сдѣлаютъ изъ сказаннаго выводъ, что разъ національности нѣтъ, то нѣтъ и національнаго вопроса, а потому нечего и говоритъ о правахъ «какихъ-то тамъ» евреевъ, украинцевъ, поляковъ и т. д

Во избѣжаніе такихъ «поспѣшныхъ» выводовъ, я заранѣе долженъ откреститься отъ нихъ и кратко разсмотрѣть вопросъ и въ этой плоскости.

Вмѣсто отвѣта я снова напомню примѣръ съ химикомъ, считающимъ «бутербродъ» —химическимъ элементомъ. Несомнѣнно, онъ ошибается, но несомнѣнно также, что «бутербродъ»—реальная вещь, но вещь сложная, распадающаяся въ анализѣ на множество элементовъ. То же и тутъ . Всѣ эти вопросы—несомнѣнно существуютъ. Но постарайтесь вникнуть въ нихъ и вы убѣдитесь, что въ нихъ, во первыхъ, нѣтъ никакого «національнаго» элемента, во вторыхъ, несмотря на общій терминъ «національный», прилагаемый ко всѣмъ этимъ вопросамъ, они въ корнѣ различны между собой. Еврейскій вопросъ не то, что польскій, послѣдній не то, что украинскій.

Въ чемъ же разница и въ чемъ суть дѣла? А вотъ въ чемъ. Сущность этихъ «бытовыхъ» для Россіи вопросовъ заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ рядѣ

правовыхъ ограниченій (право языка, религіи, передвиженія, гражданскія, политическія права и т. п.), налагаемыхъ на опредѣленную группу людей, объединенныхъ тѣмъ или другимъ (или нѣсколькими) соціальными признаками. Иначе говоря, наши «національные вопросы» составляютъ одну изъ главъ общаго ученія о правовомъ неравенствѣ членовъ одного и того же государства. Какъ извѣстно, лозунгъ: «правовое равенство», или его равновидность: «равенство всѣхъ передъ закономъ»—пока еще остается лозунгомъ. Несмотря на уравнительный наклонъ, проявляющійся въ поступательномъ ходѣ исторіи, фактически идеалъ «правового равенства» далеко еще не достигнутъ и въ особенности у насъ. Развѣ равны права дворянина, мѣщанина, крестьянина и духовныхъ лицъ? Развѣ одинаковы права купца 1-ой гильдіи (изъ тѣхъ же евреевъ) и бѣдняка рабочаго? Развѣ одинаковы права капиталиста и пролетарія, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и человѣка безъ чина, лица, обладающаго цензомъ для выборовъ и не обладающаго имъ? Далеко нѣтъ. Во всѣхъ отношеніяхъ—и въ сферѣ гражданскихъ, семейныхъ, государственно-политическихъ и полицейскихъ, служебныхъ и даже уголовныхъ правъ—однѣ изъ группъ пользуются полнотой правъ, другія же только нѣкоторыми правами. Однѣ имѣютъ привиллегіи, другія—«ограниченія» и «лишенія правъ» (по службѣ, по выборамъ, по праву заключать сдѣлки, по владѣнію родовыми, заповѣдными и майоратными землями, по пенсіи, по праву быть членами любого общества, праву давать свидѣтельскія показанія на дому, по праву занимать общественныя должности, исповѣдывать ту или иную религію, учить дѣтей на томъ или иномъ языкѣ, по праву самоуправленія и т. д. и т. д.).

Крайнимъ предѣломъ этого «лишенія правъ» является присужденіе къ каторгѣ и сопровождающее его «лишеніе всѣхъ правъ», въ томъ числѣ и свободы. Болѣе мягкимъ видомъ служитъ «лишеніе всѣхъ особенныхъ, и лично и

по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ». Однородными же, болѣе мягкими, хотя назначаемыми уже по инымъ основаніямъ, являются и всѣ указанныя выше правовыя ограниченія; сюда же входятъ, въ качествѣ частнаго вида и «національно-правовыя» ограниченія. Подъ этимъ именемъ кроется рядъ различныхъ (и весьма ощутительныхъ) правовыхъ ограниченій по различнымъ и сложнымъ основаніямъ: вслѣдствіе религіи (евреи, поляки-католики, русскіе-старовѣры, язычники, сектанты), вслѣдствіе пространственнаго расположенія родины даннаго человѣка или совокупности людей (мѣста, лишенныя самоуправленія, напр., земства, и мѣстные уроженцы, лишенные соовѣтственныхъ правъ), вслѣдствіе имущественнаго положенія (права еврея 1-ой гильдіи и еврея же—бѣдняка были неодинаковы и въ отношеніи черты осѣдлости, и политическихъ правъ и т. д.), вслѣдствіе степени образованія или профессіи (въ отношеніи той же черты осѣдлости, какъ извѣстно, права евреевъ, кончившихъ высшее учебное заведеніе или фармацевтовъ, были иные, чѣмъ у простого еврея, равно и права русскихъ, вслѣдствіе этого же факта образованія, также различны), вслѣдствіе языка (малоросы, евреи, поляки и инородцы); вслѣдствіе особыхъ бытовыхъ условій—напр., низкаго умственнаго и нравственнаго развитія (безправіе кочевыхъ народовъ) вслѣдствіе того или иного сословнаго или профессіональнаго происхожденія даннаго лица отъ данныхъ родителей (дворянинъ, купецъ, крестьянинъ, и т. д. и т. д.).

Я не могу здѣсь вдаваться въ подробный анализъ, такъ называемыхъ «національныхъ» ограниченій. Но изъ сказаннаго, я думаю, ясно, что всѣ они разлагаются на иныя, болѣе простыя ограниченія, а нигдѣ здѣсь нѣтъ какого-то спеціальнаго національнаго принципа. Выкиньте изъ «національныхъ» причинъ — причины религіозныя, сословныя, имущественныя, профессіональныя, «бытовыя» и т. д.—и изъ «національ-

ныхъ» ограниченій не останется ничего. Даже само правовое отнесеніе того или иного человѣка, напр., Аарона Левинсона, къ «еврейской націи», производится не на основаніи «еврейской національной крови», а по тѣмъ же религіознымъ и др. основаніямъ. Стоило недавно ему перемѣнить религію (евреи выкресты) и почти всѣ еврейскія ограниченія падали, а это значитъ, что для права исчезала «еврейская національность», и появлялась новая, напр., «русская».

Но развѣ эти перечисленныя основанія правоограниченій, напр. религіозныя, представляютъ національныя основанія? Развѣ «религія» и «національность» одно и то-же?— Ясно, что нѣтъ, иначе пришлось бы признать «языческую націю», націю баптистскую, хлыстовскую, скопческую, католическую и т. д. Ясно, что это абсурдъ. Но не менѣе ясно, что ограниченія правъ цѣлыхъ группъ сектантовъ, вытекающія изъ чисто религіозныхъ основаній, однохарактерны съ ограниченіями ряда «національностей» и нерѣдко гораздо болѣе тяжелы и важны. Точно также и всѣ остальныя основанія правоограниченій (территорія, образованіе, имущ. цензъ, сословіе и т. д.)—не имѣютъ никакого «національнаго» элемента. А вѣдь безъ нихъ нельзя представить и создать никакой «національности».

Итакъ, въ итогѣ и здѣсь мы пришли къ опредѣленнымъ даннымъ. Мы убѣдились, что нѣтъ никакихъ спеціально «національныхъ» основаній, дающихъ почву для «національныхъ» ограниченій. Мы видѣли, что само понятіе «еврея» или «малорусса», или «поляка» (а соотвѣтственно и соціальныхъ группъ, образуемыхъ ими) опредѣляется не какимъ то таинственнымъ національнымъ принципомъ, а рядомъ простыхъ и общихъ условій (религія, языкъ, сословность, экономическое положеніе и т. д.), въ различныхъ формахъ выступающихъ на аренѣ общественной жизни и создающихъ различную, подчасъ весьма сложную группировку. Коротко говоря, нѣтъ національныхъ проблемъ и національнаго неравенства, а

есть общая проблема неравенства, выступающая въ различныхъ видахъ и производимая различнымъ сочетаніемъ общихъ соціальныхъ факторовъ, среди которыхъ нельзя отыскать спеціально національнаго фактора, отличнаго отъ религіозныхъ, экономическихъ, интеллектуальныхъ, правовыхъ, бытовыхъ, сословно-профессіональныхъ, территоріальныхъ и т. п. факторовъ.

Перефразируя слова Архимеда, можно сказать: «Дайте мнѣ эти факторы и я различнымъ сочетаніемъ ихъ создамъ вамъ самыя различныя націи, начиная отъ безправныхъ судръ и кончая полноправными браминами». И обратно. «Отнимите эти факторы и безъ нихъ вы не создадите никакой національности». Выводъ изъ сказаннаго тотъ, что національность представляетъ сложное и разнородное соціальное тѣло, подобное «бутерброду» въ химіи, которое распадается на рядъ соціальныхъ элементовъ и вызвано ихъ совокупнымъ дѣйствіемъ.

А разъ это такъ, то объявить эту «мѣшанину» различныхъ условій чѣмъ то единымъ и цѣльнымъ, попытаться найти ея самостоятельную сущность, равносильно задачѣ рѣшенія квадратуры круга. Недаромъ всѣ подобныя попытки не удавались. Онѣ не могли и не могутъ окончиться удачно.

Да будетъ позволено теперь сдѣлать практическіе выводы изъ сказаннаго. Эти выводы таковы:

1) Если теперь всюду трубятъ о національности въ формѣ существительнаго, прилагательнаго и глагола, — то нельзя видѣть здѣсь нѣкотораго недоразумѣнія. Данная война не есть война націй (вѣдь дерутся же тевтоны-англичане съ тевтонами-нѣмцами — одна и таже нація съ обычной точки зрѣнія—или славяне австрійскіе съ славянами русскими) и не есть проявленіе «національнаго» движенія, и не вызвана таинственными «національными» при-

чинами. Война есть борьба государствъ; каждое изъ которыхъ включаетъ различныя, съ обычной точки зрѣнія націи.

2) Война не привела и къ торжеству «націонализма», въ ущербъ интернаціонализму, какъ думаетъ, напр. П. Б. Струве. Ужъ если можно что противопоставлять интернаціонализму, какъ сверхгосударственности, то не націю, а государство. Но весьма спорно еще, что дастъ эта война. Я весьма склоненъ думать, что она не мало посодѣйствуетъ росту интернаціонализма въ формѣ созданія международнаго суда, а въ дальнѣйшемъ, быть можетъ, и сверхгосударственной федераціи Европы.

3) Многіе выдвигаютъ теперь національный принципъ въ качествѣ критерія для будущаго переустройства карты Европы. Въ силу сказаннаго едва ли есть надобность доказывать невозможность и фантастичность этого проекта. Если даже допустить его, то спрашивается, что будетъ положено въ основу національности? Языкъ? Но тогда Бельгію придется раздѣлить на части, Италію — также, а такія разноязычныя государства, какъ Россія, распадутся на вотяцкое, черемисское, великорусское, татарское и т. д. государства-націи. Вся Европа распылится на множество мелкихъ государствъ, что само по себѣ является шагомъ назадъ, а не впередъ. Для областей же съ смѣшаннымъ по національности населеніемъ, или для мелкихъ націй — положеніе становится рѣшительно безвыходнымъ. Недаромъ, сами сторонники этого проекта принуждены признать, что мелкія національности будутъ принесены въ жертву крупнымъ. То же получится, если критеріемъ національности будетъ и какой нибудь другой признакъ.

Нѣтъ! пора бросить эту утопію и пора ясно и опредѣленно сказать, что спасеніе не въ національномъ принципѣ, а въ федераціи государствъ, въ сверхгосударственной организаціи всей Европы, на почвѣ равенства правъ всѣхъ входящихъ въ нее личностей,—а поскольку они образуютъ сходную группу,—то и народовъ

Каждый, «безъ различія національности», имѣетъ право говорить, учить, проповѣдывать и исполнять гражданскія обязанности на томъ языкѣ, на какомъ хочетъ, вѣровать, какъ ему угодно, читать, писать и печатать на родномъ языкѣ, и вообще, пользоваться всей полнотой правъ равноправнаго гражданина. Было бы наивно думать, что эта федерація теперь же осуществится, но столь же несомнѣнно, что исторія идетъ въ этомъ направленіи, въ направленіи расширенія соціально-замиренныхъ круговъ, начавшагося отъ группъ въ 40—100 членовъ и приведшаго уже теперь къ соединеніямъ въ 150—160 милліоновъ. Распылить снова эти соединенія на множество частей по національному принципу—значитъ поворачивать колесо исторіи назадъ, а не впередъ. Затѣя ретроградная и явно неосуществимая.

4) Какъ выяснено выше, такъ называемое «національное» неравенство есть лишь частная форма общаго соціальнаго неравенства. Поэтому тотъ, кто хочетъ бороться противъ перваго, долженъ бороться противъ второго, выступающаго въ тысячѣ формъ въ нашей жизни, сплошь и рядомъ гораздо болѣе ощутительныхъ и тяжелыхъ. «Полное правовое равенство индивида (личности) — вотъ всеисчерпывающій лозунгъ. Кто борется за него — борется и противъ «національныхъ» ограниченій. Такъ какъ національное движеніе въ Россіи со стороны группъ (малороссовъ, евреевъ и т. д.), ограниченныхъ въ правахъ, представляло и представляетъ именно борьбу противъ неравенства, слѣдоват., направлено въ сторону соціальнаго уравненія, то естественно, мы всѣми силами души привѣтствуемъ подобное движеніе и его ростъ. Законно и неоспоримо право каждаго члена государства на всю полноту правъ (религіозн., политич., гражданскихъ, публичныхъ, семейств., культурныхъ, языкъ, школа, самоуправленіе и т. д.).

Таково наше отношеніе къ націон. движенію, вытекающее изъ основного принципа соціальнаго равенства. Но изъ него же вытекаетъ и обратная сторона дѣла, на которую нельзя закрывать глаза.

5) Если борющійся за соціальное равенство борется и за правильно понятые «національные» интересы, то борющійся за послѣдніе далеко не всегда борется за первое. Если, напр., нѣмецкіе прибалтійскіе бароны были бы въ чемъ нибудь ограничены и боролись бы противъ этого ограниченія во имя принципа «національнаго равенства», то это еще не значило бы, что они и впрямь сторонники «соціальнаго равенства». Это значило бы, что они къ множеству привиллегій, не имѣющихся у латышей, эстовъ и русскихъ, захотѣли прибавить еще одну добавочную. Иными словами, «борьба за національность не есть самодовлѣющій лозунгъ». Подъ его флагомъ можно проводить самыя несправедливыя стремленія. Наши «націоналисты»—примѣръ тому. Поэтому партіи, ставящіе въ свою программу лозунгъ «соціальное равенство», не должны увлекаться «національнымъ» принципомъ. Все, что есть въ послѣднемъ «уравнительнаго», все это включаетъ въ себя первый лозунгъ. Что не включаетъ—«то отъ лукаваго», и представляетъ либо контрабандное проведеніе «групповыхъ привиллегій», либо проявленіе групповаго эгоизма.

А что такіе результаты возможны, прекрасные примѣры тому, помимо нашихъ «націоналистовъ», даютъ недавніе эксцессы, происходившіе въ Польшѣ (польско-еврейскія отношенія) въ связи съ воззваніемъ бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго, и въ особенности, Германія. Раздуваемая нѣмецкими учеными въ теченіе ряда лѣтъ расово-національная теорія дала здѣсь прекрасный урожай, вызвала гипертрофію «національнаго» чувства нѣмцевъ и привела къ ряду явленій, въ корнѣ противорѣчащихъ элементарной нравственности и уравнительнымъ принципамъ.

Если же добавить къ этому рядъ популярныхъ теперь попытокъ принесенія въ жертву національности многихъ и

многихъ цѣнностей, попытокъ, «оправданія» всякой мерзости «національными требованіями» (политика Болгаріи и т. д), если все это учесть, то я думаю не только можно, но и должно быть осторожнымъ въ игрѣ съ національнымъ принципомъ во многихъ его формулировкахъ.

Пока онъ совпадаетъ и не противорѣчитъ лозунгу соціальнаго равенства—мы отъ души привѣтствуемъ національныя движенія. Такъ какъ въ Россіи до сихъ поръ движенія украинцевъ, евреевъ, поляковъ, латышей и т. д. имѣли этотъ уравнительный характеръ: то ясно, что мы можемъ только поддерживать его. Но какъ только національный принципъ становится средствомъ угнетенія одной группой другихъ, мы поворачиваемся къ нему спиной, памятуя, что высшая цѣнность—«равноправная человѣческая личность». Вся полнота правъ должна быть предоставлена каждой личности, безъ различія «эллина и іудея, раба и свободнаго».

Индивидъ—съ одной стороны, и всечеловѣчность—съ другой—вотъ то, что нельзя упускать изъ виду нигдѣ и никогда, какъ неразъединимыя стороны одного великаго идеала.

3546/7

722033
08

Проблема соціальнаго равенства и соціализмъ.

§ 1.

Стертыя монеты обращаются не только на денежномъ рынкѣ. Есть онѣ и на биржѣ духовныхъ цѣнностей. И ихъ не мало. Всѣ ими пользуются, всѣ ихъ употребляютъ, а подлинную цѣнность ихъ, увы! знаютъ очень немногіе, а иногда быть можетъ и никто. Къ числу такихъ же «стертыхъ монетъ» принадлежитъ и понятіе соціальнаго равенства. Оно постоянно котируется на духовной биржѣ, но многіе ли пытались отдать себѣ отчетъ въ его содержаніи? Да и тѣ, кто пытались, сумѣли ли вполнѣ ясно рѣшить, что собственно должно мыслиться подъ этимъ лозунгомъ нашей эпохи. Дали ли намъ точную формулу этой основы демократіи и соціализма?

Несмотря на почтенный возрастъ этого лозунга, легализировавшагося еще задолго до тріады революціи 1789 г., гласящей: «свобода, равенство и братство», и «Декларацiи правъ человѣка и гражданина», подлинное лицо его, къ сожалѣнію, до сихъ поръ вполнѣ не раскрыто.

Кратко коснуться нѣкоторыхъ сторонъ этой проблемы и не столько рѣшить ихъ, сколько поставить, такова задача даннаго очерка. Вопросъ выдвинутъ самимъ временемъ и, стало быть, рано или поздно онъ долженъ быть поставленъ.

§ 2.

Не вдаваясь въ детали, соціальное равенство можно мыслить двояко: 1) въ смыслѣ абсолютнаго равенства одного индивида другому во всѣхъ отно-

шеніяхъ; и въ смыслѣ правъ и обязанностей, и въ смыслѣ умственномъ, нравственномъ, экономическомъ и т. д Коротко говоря. равенство въ этомъ пониманіи означаетъ полное тождество одной личности другой! Каждый индивидъ долженъ быть такимъ же, какъ и всѣ остальные, ни больше, ни меньше. Всѣ должны быть одинаково умными, одинаково нравственными, обладать равной долей экономическихъ благъ, (богатства), въ равной мѣрѣ работать, въ одинаковой стнпени быть счастливыми, пользоваться равнымъ количествомъ уваженія, признательности, любви, таланта и т. д. и т. д.

При послѣдовательномъ проведеніи равенства этого типа не должно быть терпимо никакое неравенство въ какомъ бы то ни было отношеніи. Идеаломъ его является стрижка всѣхъ людей подъ одну машинку, и посильное стремленіе сдѣлать ихъ совершенно сходными другъ съ другомъ, своего рода стереотипными изданіями съ одного и того же экземпляра. Общество, построенное по такому плану, похоже было бы на то общество, которое описывается въ одномъ изъ разсказовъ Джерома; всѣ индивиды въ немъ и по одеждѣ и росту, и формѣ носа или губъ были бы похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Само собой очевидно, что такое равенство—чистая утопія. Оно невозможно, неосуществимо, да едва ли и желательно съ точки зрѣнія большинства людей. Что оно невозможно—это не требуетъ доказательствъ. Что оно не желательно, это то же ясно, ясно потому, что оно ведетъ къ морали: «стыдно быть хорошимъ», морали, едва ли пріемлемой кѣмъ нибудь. Въ самомъ дѣлѣ, разъ всѣ должны быть равны другъ другу, то нельзя быть умнымъ, ибо есть глупые, нельзя быть честнымъ, ибо есть преступники, нельзя быть здоровымъ и сытымъ, ибо есть сифилитики и голодные, нельзя быть красивымъ, ибо есть безобразные и т. д. «Равенство, такъ ужъ равенство во всемъ!». «Справедливость, такъ ужъ справедливость до конца!», какъ говоритъ одинъ изъ героевъ романа В. Винниченко «Божки». При такомъ пони-

маніи равенства не было бы мѣста на жизненномъ пиру ни Сократу, ни Христу, ни Ньютону, ни Канту, ни Леонардо, ни Микель-Анджело, ни—кому бы то ни было изъ «Великихъ». Царили бы одни посредственности и невѣжды. Иными словами—мораль этого равенства является раздачей премій невѣжеству, болѣзни, преступности и т. д. и ведетъ къ полному застою культуры и ея пріобрѣтеній.

Сказаннаго достаточно, чтобы отбросить это пониманіе соціальнаго равенства. Оно — утопично, неосуществимо, ретроградно и соціально—вредно,

§ 3.

Но тогда остается только одна возможность; равенство приходится понимать уже не въ смыслѣ тождества, а въ смыслѣ пропорціональности соціальныхъ благъ заслугамъ того или иного индивида. Если формулой перваго пониманія равенства является равенство: $A_a = B_a, C_a, D_a, E_a$. понимая подъ A, B, C, D,—личностей, а подъ «а» сумму соціальныхъ благъ, приходящихся на долю каждаго, то формулой второго типа равенства служитъ уравненіе $\frac{A}{a} \nearrow \frac{B}{в} \nearrow \frac{C}{c}$, т. е. чѣмъ больше заслуги даннаго индивида, тѣмъ большей должна быть и его доля общественныхъ благъ (А цѣннѣе В, поэтому и «а»—сумма благъ, приходящихся на долю «А», должна быть цѣннѣе чѣмъ «в»,—(сумма благъ приходящихся на долю В). Согласно этой формулѣ пропорціональности, права на соціальныя блага (богатство, любовь, слава, уваженіе и т. д.) не могутъ и не должны быть равны у простого маляра и Рембрандта, у рядового работника науки и генія, у чернорабочаго и Эдиссона, и т. д. и т. д. «Каждому—по заслугамъ», «каждому по мѣрѣ выявленныхъ силъ и способностей», «каждому по мѣрѣ таланта», вотъ краткія формулы, выдвигаемыя этой концепціей равенства. Таково въ основныхъ чертахъ второе пониманіе равенства, распадающееся, какъ увидимъ ниже, на рядъ подраздѣленій. Кромѣ этихъ двухъ типовъ—третьяго не существуетъ. Либо то,

либо другое. Первое оказалось безнадежно негоднымъ, остается обратиться ко второму.

§ 4.

Равенство въ этомъ второмъ смыслѣ многіе авторы, въ числѣ ихъ и Буглэ, посвятившій проблемѣ равенства четыре солидныя работы, *) считаютъ чѣмъ то болѣе или менѣе новымъ. По мнѣнію Буглэ, равенство проявлялось лишь два раза въ исторіи: въ эпоху стоиковъ въ Римѣ, и въ новое время въ исторіи Западной Европы. Однако, взятый въ своемъ общемъ видѣ, принципъ пропорціональности заслугъ и благъ (правъ и привилегій), гласящій: «каждому по его заслугамъ» старъ, какъ старо человѣчество. Уже М. М. Ковалевскій въ своей критикѣ теоріи Буглэ**) отмѣтилъ ошибку послѣдняго.

Въ извѣсномъ смыслѣ И. Тэнъ правъ, говоря: «Нельзя думать, чтобы человѣкъ сталъ давать много благъ безъ достаточныхъ побудительныхъ причинъ «и могъ быть признателенъ ни за что, такъ сказать, по ошибкѣ». Стоитъ развернуть исторію привилегій или неравенства, и съ первыхъ ея страницъ мы уже найдемъ эту пропорціональность заслугъ и привилегій или благъ. Въ Первобытномъ обществѣ наиболѣе привиллегированы полновозрастные мужчины, а среди нихъ—чародѣи и вожди. Почему? Потому, что они носители силы, стражи и защитники группы и наиболѣе опытные личности. Чародѣи же и вожди—по вѣрованію этихъ группъ—лица, одаренныя необычными способностями и оказывающія громадныя услуги. Отсюда—они и наиболѣе полноправные индивиды. Недаромъ еще Тацитъ о германцахъ писалъ: «duces ex virtute sumunt»; какъ видимъ, здѣсь пропорціональность заслугъ и наградъ на лицо. Пусть эти заслуги съ нашей точки зрѣнія только мнимыя заслуги, фактически безполезныя, каковыми нерѣдко они и были,

*) См. его «Эгалитаризмъ», La démocratie devant la science Régime des castes и «Солидаризмъ и либерализмъ».

**) См. Ковалевскій: «Современные соціологи», 164—202.

но съ точки зрѣнія общества того времени, въ силу его неразвитости и малаго знанія, онѣ казались цѣнными и полезными. Перейдите къ кастовому обществу и встрѣтите то же. Если каста жрецовъ, въ частности браминовъ, наиболѣе полноправна, а судръ или вайсіевъ—безправна, то опять таки не даромъ. По возрѣніямъ того времени (фактически, конечно, ошибочнымъ) брамины оказывали необычныя услуги—они могли управлять силами природы вызывать дождь, лечить отъ болѣзней, указывали путь къ небу, отвращали враговъ, однимъ словомъ совершали величайшіе подвиги, отсюда—они получали и исключительныя права и преимущества. А несчастный судра или вайсій, что могли они сдѣлать.—Очень мало, по мнѣнію того времени, а потому—немного благъ и выпадало на ихъ долю, (несмотря на фактическую пользу ихъ работы). Возьмите исторію сословій: дворянства и буржуазіи, или исторію католической церкви или просто лицъ, пользующихся «популярностью» въ томъ или иномъ обществѣ, и здѣсь вы увидите, что въ каждомъ обществѣ объемъ правъ и преимуществъ того или иного сословія въ общемъ пропорціоналенъ ихъ заслугамъ по оцѣнкѣ этого общества.

Въ своемъ «Происхожденіи общ. строя совр. Франціи» Тэнъ достаточно ярко показалъ эту пропорціональность услугъ и наградъ «привиллегированныхъ». Ту же истину мы можемъ наблюдать и въ наши дни въ примѣненіи къ цѣлымъ группамъ и отдѣльнымъ лицамъ. По мѣрѣ того, какъ общество начинаетъ цѣнить все ниже и ниже услуги дворянства и выше—услуги «третьяго сословія»—по мѣрѣ того падаютъ привиллегіи перваго и растутъ права втораго. Если какой—нибудь Х. или У. имѣютъ «высокій курсъ» среди тѣхъ или иныхъ группъ, то не спроста, а потому, что эта группа цѣнитъ ихъ за что то, признаетъ за ними какіе то заслуги и таланты. То же приложимо и къ любому «кумиру» любого человѣческаго стада *). Если же

*) См. подробно объ этой пропорціональности услугъ и привиллегій: Сорокинъ: «Преступленіе и кара, подвигъ и награда» 408—422.

это такъ, то ясно, что равенство, понимаемое въ смыслѣ процорціональности услугъ и привиллегій или блага,—не есть какой-то новый лозунгъ, не есть нѣчто, специфически-свойственное демократической эпохѣ и культурѣ, а старо какъ міръ, было всегда и существуетъ въ наши дни. Поэтому довольно трудно видѣть въ лозунгѣ: «каждому по его заслугамъ»—знаменіе нашего времени, а тѣмъ болѣе знаменіе и отличительный признакъ демократизма и соціализма.

§ 5.

Слѣдуетъ ли, однако, изъ сказаннаго, что всѣ разговоры о равенствѣ, какъ знаменіи нашей и грядущей культуры, объ его ростѣ объ его неразрывности съ соціализмомъ etc, представляютъ одно недоразумѣніе? Значитъ ли сказанное, что ростъ равенства—мифъ, что все остается и должно остаться по старому? или, какъ говоритъ Экклессіастъ, «такъ было, такъ будетъ и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ»?

Нѣтъ, не значитъ. Вышесказанное говоритъ лишь о томъ, что нельзя въ такихъ важныхъ вопросахъ ограничиваться общими формулировками, въ родѣ: «каждому по его заслугамъ», а необходимо итти дальше—детализировать и точнѣе выявлять эти общія фразы. Въ противномъ случаѣ неизбѣжны недоразумѣнія. Да, несомнѣнно принципъ «каждому по его заслугамъ» не новъ, вѣрно, что онъ старъ, какъ человѣчество, что онъ дѣйствовалъ во всѣ времена и, вѣроятно, будетъ дѣйствовать въ грядущемъ. Не въ его общей формулировкѣ кроется сущность современнаго равенства и его новизна. Для выявленія природы послѣдняго нужно итти дальше и поставить рядъ дальнѣйшихъ вопросовъ. Только тогда возможно «выловить» «святое святыхъ» современнаго равенства. Иначе—оно ускользнетъ чрезъ широкую сѣть этой общей формулы и мы останемся у «разбитаго корыта». Попробуемъ (конечно, кратко) сдѣлать эти дальнѣйшіе шаги.

Несомнѣнно, формула: «каждому по его заслугамъ» стара, но ново то содержаніе, которое вкладывается въ эту формулу, или точнѣе—но въ тотъ критерій, тотъ аршинъ, по которому измѣряются эти заслуги и устанавливается эта пропорціональность заслугъ группы или индивида и соотвѣтственной доли соціальныхъ благъ (правъ и привилегій) причитающихся имъ за эти заслуги или, говоря шире, за тѣ общественныя функціи, которыя они выполняютъ.

Пропорціональность въ исторіи болѣе или менѣе постоянна, но основы и критеріи ея—измѣнчивы и различны. И этой перемѣной оцѣночныхъ критеріевъ, заслуги и привиллегій, если угодно, и исчерпывается сущность происшедшихъ измѣненій. Тотъ, кто сумѣетъ вѣрно уловить специфическія черты этого оцѣночнаго критерія, господствующаго въ эгалитарномъ обществѣ, тотъ тѣмъ самымъ сможетъ дать и основныя черты общества, построеннаго на принципѣ равенства.

Спросимъ себя теперь, въ чемъ же состоитъ происшедшее здѣсь измѣненіе? Иными словами, каковы были критеріи, распредѣлявшіе соціальныя блага «каждому по его заслугамъ» въ прошломъ и каковы они теперь? Есть ли здѣсь какое нибудь измѣненіе или его нѣтъ?.

Не претендуя совершенно на сколько нибудь исчерпывающій отвѣтъ, завѣдомо невозможный въ предѣлахъ данной статьи, укажемъ лишь основные штрихи происшедшаго перелома.

При сравненіи способа установленія пропорціональности заслугъ и наградъ въ древнихъ обществахъ и въ новыхъ, первое, что бросается въ глаза, это тотъ фактъ, что въ древности критерій оцѣнки былъ не индидуальный и не равный. Тотъ или иной поступокъ индивида оцѣнивался не самъ по себѣ, а въ зависимости отъ того, къ какой группѣ принадлежалъ этотъ индивидъ. Иными словами: мѣрой достоинства индивида

была не совокупность его личныхъ качествъ и заслугъ, а характеръ той группы, членомъ которой онъ былъ. Если эта группа занимала вершину общественной лѣстницы, если она была окружена ореоломъ, всѣ ея плюсы, весь ея свѣтъ и всѣ ея привиллегіи падали и на долю ея члена, какъ бы ни скверенъ и ни незначителенъ самъ по себѣ былъ этотъ индивидъ. И обратно, если группа занимала низы, безправнымъ былъ и ея членъ, хотя бы онъ былъ «семи пядей во лбу». Человѣкъ касты браминовъ всегда былъ и оставался браминомъ (исключая рѣдчайшихъ случаевъ). Судра же, при всѣхъ своихъ заслугахъ, не могъ выйти изъ своей касты и не могъ никогда сдѣлаться браминомъ. Каждый изъ нихъ былъ прикрѣпленъ къ своей кастѣ (или группѣ), какъ индивидъ былъ ничѣмъ, а подлинная его цѣнность опредѣлялась высотой соціальнаго положенія той группы, изъ лона которой онъ вышелъ. Рабъ всегда былъ рабомъ, а господинъ—господиномъ, между тѣмъ и другимъ всегда была пропасть.

Первый, будь онъ храбрѣйшимъ и мудрѣйшимъ (вспомнимъ Эпиктета), все же былъ «вещью», простой «res», и въ первыя времена рабства ничто не могло изгладить печать его позорнаго происхожденія. Второй—былъ, и оставался «персоной», civis romanus, хотя бы былъ онъ «полной бездарностью» и моральнымъ ничтожествомъ. Первый рождался и умиралъ безправнымъ, второй—рождался господиномъ и умиралъ таковымъ. Ихъ личныя свойства были не причемъ и не ими опредѣлялось то количество жизненныхъ благъ, которое выпадало имъ на долю въ жизни. Это количество опредѣлялось ихъ принадлежностью къ той группѣ, къ которой они въ силу ли рожденія или иныхъ условій принадлежали. Иными словами аршиномъ, которымъ измѣрялась въ древности величина заслугъ того или иного индивида, были не ихъ личныя заслуги и фактическія свойства, а характеръ и соціальное положеніе той группы (тотэма, рода касты, сословія), членами которой они были.

Отсюда легко понять и двѣ слѣдующія особенности стараго порядка: 1) наслѣдственность привиллегій или безправія и 2) религіозно-юридическій характеръ общественной дифференціаціи древняго общества.

Такъ какъ группа живетъ долго и не исчезаетъ съ однимъ поколѣніемъ, то всѣ, кто родились въ ней, механически дѣлались «сопричастниками» ея свойствъ. Сынъ брамина или патриція механически наслѣдовалъ достоинства и привиллегіи своего отца, своей группы. Сынъ рабыни, раба, или судры — механически становился рабомъ или судрой. Разбить эти барьеры — не было силъ. Они были не только фактомъ, но и правомъ. Каста отъ касты или cives отъ servi, а въ первое время—патриціи отъ плебеевъ, отдѣлялись не только въ силу факта, но и религіозно-юридическихъ санкцій. Смѣшеніе группъ было запрещено и объявлено смертнымъ грѣхомъ и величайшимъ преступленіемъ. Законы Ману запрещали брамину не только общеніе, но и посредственное прикосновеніе къ судрѣ. Послѣднее считалось «оскверненіемъ» и влекло наказаніе тяжкое. То же относилось и къ патриціямъ (jus connubii и т. п.).

Говоря образно, древняя общественная дифференціація напоминала домъ съ наглухо отдѣленными другъ отъ друга квартирами, рѣзко отличавшимися другъ отъ друга по богатству и роскоши. Въ однѣхъ—было изобиліе благъ, въ другихъ—нищета, болѣзни и позоръ. Индивидъ, родившійся въ богатой и «высшей квартирѣ»—eo ipso становился баловнемъ судьбы; рабъ же, родившійся въ рабскомъ подвалѣ—eo ipso становился «изгоемъ» и рабомъ. Входъ изъ одной квартиры въ другую—не допускался, какъ не допускается переселеніе изъ рая въ адъ. Всѣ сообщенія были замкнуты на глухо, и на стражѣ стояла религія, право и общественная власть, вооруженныя всѣми своими аппаратами, огнемъ и мечемъ и богатымъ арсеналомъ земныхъ и небесныхъ наказаній.

Разсматривая съ этой стороны современную систему оцѣнки заслугъ и распредѣленія наградъ мы не можемъ не видѣть громадной разницы. Различіе это въ томъ, что теперь степень заслугъ индивида опредѣляется уже не его принадлежностью къ той или иной группѣ, а его личными свойствами, его индивидуальными заслугами. Несмотря на существующую до сихъ поръ массу пережитковъ стараго порядка, общая тенденція развитія такова. И индивидуально и соціально, какъ общее правило, мы теперь цѣнимъ «добра молодца» «не по батюшкѣ, не по племени, не по городу, не по роду—корени, и по его сословію», а по нему самому*). Намъ теперь рѣшительно не важно—«бѣлой или черной кости» онъ, дворянинъ или сынъ пролетарія, а важно—кто онъ и что онъ самъ по себѣ, что онъ сдѣлалъ и какія заслуги принадлежатъ ему лично. Если таковыя есть—будь онъ «эллинъ или іудей, рабъ или свободный» — мы ихъ признаемъ. Если нѣтъ—будь онъ сынъ владѣтельнаго князя, или сіятельнаго принца, для насъ его титулы ничего не прибавятъ. А это значитъ, что критерій оцѣнки заслугъ теперь сталъ индивидуальнымъ и равнымъ. Мѣрка въ принципѣ одна и та же для всѣхъ. Раньше она была и не индивидуальна, и не равна. Если судра совершалъ малѣйшее преступленіе—ему грозила страшная смерть. Для брамина же все было дозволено: «пусть царь никогда не губитъ брамина, хотя бы онъ совершилъ всѣ преступленія», читаемъ мы у Ману. И обратно, если привиллегированный совершалъ маленькій подвигъ—его ждали изобильныя награды и почести. Человѣкъ же низовъ могъ «срывать звѣзды съ неба» и, однако, не получить ничего. Награды получалъ не онъ, а его господинъ. Теперь въ принципѣ мѣрка одна и та же. «Декларація правъ человѣка и гражданина»

*) Конечно, не мало пережитковъ прошлаго еще осталось и теперь, но объ нихъ здѣсь не мѣсто подробно говорить: здѣсь авторъ очерчиваетъ лишь общую тенденцію нашей эпохи.

во Франціи и «Табель о рангахъ» у насъ были пограничными столбами, указывающими границы стараго и новаго порядка. Теперь право въ принципѣ гласитъ: «кто сдѣлаетъ то-то и то-то», получаетъ то-то, кто совершитъ такое-то преступленіе, будетъ такъ-то наказанъ независимо отъ его происхожденія, рода и племени. Мѣрка индивидуальна и единообразна для всѣхъ.

Обращаясь къ нашему образу, можно сказать, что современная общественная дифференціація похожа на казенный домъ, съ казенными квартирами. Но отличіе отъ предыдущей картины здѣсь то, что эти квартиры сообщаются другъ съ другомъ и нѣтъ по существу ни религіозныхъ, ни правовыхъ барьеровъ. Сегодня роскошную квартиру занимаетъ одинъ, а завтра ее же можетъ занять «обитатель подвала», если онъ выполнилъ рядъ условій и сдѣлалъ рядъ «подвиговъ». Рождающіеся въ пышныхъ аппартаментахъ теперь могутъ перейти въ подвалы и обратно — изъ подваловъ попасть въ дворцы и замки. Все, въ принципѣ, зависитъ отъ индивидуальности и личныхъ качествъ *).

А отсюда само собой слѣдуетъ: 1) Исчезновеніе наслѣдственности привиллегій или безправія (паденіе кастъ, сословій и вообще правовыхъ status'овъ). 2) Паденіе религіозно-юридической основы общественной дифференціаціи.

Въ силу перваго сынъ тайнаго совѣтника можетъ (въ принципѣ) оказаться человѣкомъ безъ чина, и обратно — «сынъ прачки» — министромъ и тайнымъ совѣтникомъ. Въ силу второго — грань между группами (сословіями или классами) теперь только фактическая, а не юридическая. Переходъ изъ одной въ другую не запрещенъ и возможенъ. Общественно-государственныя должности — не наслѣдственны и не являются монополіей избранного сословія. Доступъ къ нимъ въ принципѣ открытъ для всѣхъ.

*) Подчеркиваю всюду «въ принципѣ», ибо такова тенденція нашей эпохи, хотя пережитковъ «стараго режима» — еще не мало.

А все это означаетъ, что личность освободилась отъ опеки группы, рода, тотэма, племени, касты, сословія, цеха и мало по малу сбросила съ себя всѣ эти пеленки. Теперь она самоцѣль, выступаетъ таковой и оцѣнивается какъ таковая же.

Таково первое основное отличіе стараго порядка отъ новаго. Основа оцѣнки заслугъ изъ неравной и неиндивидуальной стала единообразной и индивидуальной.

Лозунгъ: «Каждому по его заслугамъ» и теперь тотъ же, но содержаніе его измѣнилось, и въ современномъ своемъ видѣ онъ распредѣляетъ соціальныя блага совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше.

§ 7.

Въ предыдущимъ я кратко очертилъ лишь отличіе современнаго «оцѣночнаго механизма» отъ стараго, такъ сказать, самый аршинъ распредѣленія благъ и установленія пропорціональности заслугъ и наградъ. Теперь поставимъ иной вопросъ. Спросимъ себя, а не измѣнилось ли также и то, за что давали раньше и даютъ теперь «награды«? Не пали ли въ своей цѣнности въ процессѣ исторіи многіе поступки и качества, раньше считавшіеся «подвигами» и высоко награждавшіеся, и обратно, не стало ли теперь высоко цѣниться многое, что раньше «ни въ грошъ не ставилось».

Пусть въ древности масштабъ оцѣнки былъ коллективнымъ и неравнымъ, а теперь сталъ индивидуальнымъ и единообразнымъ. Это еще не объясняетъ, почему сама каста браминовъ обладала такими привиллегіями, а судры— были столь безправны? Очевидно, по вѣрованіямъ общества того времени брамины выполняли общественныя функціи столь важныя, что они заслуживали и высокихъ привиллегій. Если же теперь они лишены послѣднихъ, то, очевидно, въ силу того, что эти функціи стали безцѣнными въ глазахъ современнаго общества. Въ виду этого не безынтересно посмотрѣть, что же цѣнилось въ прошломъ

какія общественныя функціи считались особенно важными, какія потеряли свою цѣнность и какія пріобрѣли ее. Иными словами —что было «субстанціей» самой цѣнности въ прошломъ и что стало ею теперь.

Краткій отвѣтъ на этотъ вопросъ гласитъ: въ древности ни личность, ни даже группа сами по себѣ не были высшими цѣнностями, «самоцѣнностью» или «самоцѣлью», а таковой было «божество» или «божественная сила», какъ бы она не называлась («тотэма», «мана», позже божества, Богъ и т. д.).

И индивидъ, и группа (каста, сословіе и т. д.) были тѣмъ выше, чѣмъ они ближе стояли къ божеству, чѣмъ болѣе были они сопричастны божественной силѣ, чѣмъ болѣе участвовали въ ней. Лозунгъ: «каждому по его заслугамъ» въ эти эпохи получаетъ толкованіе: «каждому по степени божественной благодати, почіющей на немъ». Это первая историческая форма этого лозунга. Исторически обосновать это не трудно. Въ первобытныхъ обществахъ наиболѣе привиллегированы полноправные мужчины и старики, а изъ среды ихъ— чародѣй-жрецъ, часто являющійся и вождемъ. Женщины и дѣти – сами неполноправные члены группы. Констатируя это, мы видимъ и другое, а именно: полноправные же мужчины и особенно чародѣй-жрецъ являются и наиболѣе сопричастными «мана», участвуютъ въ религіозныхъ церемоніяхъ, предварительно проходятъ чрезъ циклъ обрядовъ посвященія и такимъ образомъ—становятся носителями и участниками божественной силы тотэма. Женщины же и дѣти (до посвященія)—считаются погаными. Они не подпускаются близко къ религіознымъ святынямъ, имъ воспрещается даже смотрѣть на нихъ и т. д. На нихъ нѣтъ «благодати», а потому они и безправны *).

*) Таковъ параллелизмъ явленій. Другое дѣло уже, чѣмъ онъ вызванъ.

То же видимъ и позже. Каста браминовъ, понтификовъ, жрецовъ въ Перу и Мексикѣ и т. д,—наиболѣе близка къ божеству. Отсюда—она и наиболѣе цѣнна, свята и полноправна.

Восточные деспоты, римскіе императоры, объявлявшіе себя высшими понтификами, папы періода среднихъ вѣковъ—всѣ они, по вѣрованіямъ того времени были живыми носителями, «намѣстниками» божества,—отсюда и неограниченность ихъ правъ и привиллегій. Таковъ былъ руководящій принципъ цѣнности въ прошломъ.

Переходя отъ него къ нашему времени, нельзя не замѣтить громаднаго сдвига, уже вполнѣ отчетливо сказавшагося въ 17 и 18 вѣкѣ въ работахъ мыслителей того времени и приведшаго къ формулѣ: «Высшая цѣнность — человѣческая личность». «Человѣкъ — самоцѣль и ни для чего, и ни для кого средствомъ быть не можетъ». Таковъ основной критерій цѣнности нашего времени, слышимый всюду и вездѣ, подъ его знакомъ стоятъ всѣ современныя системы и морали, и права. Таковъ второй характерной сдвигъ, совершившійся въ предѣлахъ той же формулы: «каждому по заслугамъ». А это значитъ: радикально измѣнились и сами взгляды на цѣнность и заслуги. Изъ религіозной основная цѣнность стала человѣческой, свѣтской. Религіозныя дѣйствія и функціи шамана или жреца, въ силу ихъ религіозности, были святы, велики и цѣнны для общества того времени, вѣрившаго въ ихъ силу и оцѣнивавшаго все съ точки зрѣнія божественной цѣнности; для современнаго же общества эти дѣйствія—безполезная и неумная трата силъ, не заслуживающая никакихъ привиллегій и правъ. А разъ такъ, конечно, теперь невозможно и немыслимо существованіе привиллегій религіозной касты, на подобіе браминовъ. Основная цѣнность «очеловѣчилась», а въ зависимости отъ этого измѣнилась и «цѣна» отдѣльныхъ актовъ. То, что раньше высоко цѣнилось, пало, и то, что раньше не цѣнилось—пріобрѣлс

высокій курсъ. Расцѣнка изъ религіозной превратилась в
свѣтскую. Объемъ наградъ сталъ теперь соизмѣряться н
со степенью «божественной благодати», почіющей на лич
ности или кастѣ, а со степени общественной полезности
даннаго индивида или группы.

Раньше, если на человѣкѣ не было этой благодати,—онъ
былъ безправенъ и по его адресу было все дозволено (sace
esto. Friedlosigkeit, поставленіе внѣ закона, чужеродцы и т.
д.). Теперь,—человѣкъ уже въ силу того, что онъ
человѣкъ,—онъ не можетъ быть безправнымъ
ибо «человѣкъ — святъ и самоцѣненъ».

Этимъ самымъ, уничтоженъ одинъ изъ китовъ неравенст

Раньше, если «благодать» эта признавалась за лич
ностью, она получила награды, хотя бы и ничего не дѣ-
лала. И обратно,—рабы, женщины, члены низшихъ кас
какъ бы ни была общественно—полезна ихъ функц
работа,—они не получали правъ, ибо были лишены бл
годати. Теперь, въ силу совершившагося перелома, распре-
дѣленіе благъ стремится быть противоположнымъ.

Мудрено ли поэтому, что по мѣрѣ паденія религіозной
оцѣнки соціальныхъ функцій и ихъ носителей, мы видимъ
развивающійся ростъ практически хозяйственнаго прейсъ-
куранта въ распредѣленіи соціальныхъ благъ

На мѣсто святости и касты жрецовъ, сначала на ряду
съ ними, а затѣмъ уже и самостоятельно, приходятъ
воины, служилое сословіе—феодальная знать и дворянство—
защитники цѣлости и безопасности страны. Соціальный
курсъ ихъ общественной роли быстро растетъ—растутъ
поэтому и ихъ привиллегіи. Лозунгъ: «каждому по его
заслугамъ» получаетъ форму: «каждому по
мѣрѣ его участія въ оборонѣ страны отъ
врага, по мѣрѣ его ратной службы и участія
въ ея управленіи.

Приходитъ дворянинъ, «высокое сословіе», «бѣлая кость»
постепенно становится на вершинѣ обществ. лѣстницы, и
беретъ себѣ полноту власти и правъ.

Но идутъ времена. Растутъ города. Растетъ и роль капитала. Феодальное ополченіе смѣняется наемной арміей, или народнымъ войскомъ на основѣ всеобщей воинской повинности, ростъ расходовъ для госуд. управленія увеличивается, однимъ словомъ, деньги становятся великой силой, опредѣляющей собою и военное могущество государства.

Благодаря этому сама по себѣ ратная служба служилаго сословія, сдѣлавшаяся къ тому же обязанностью всѣхъ подданныхъ, постепенно теряетъ свой соціальный вѣсъ и вытѣсняется растущимъ значеніемъ капитала. А отсюда — недалеко ли, что «третье сословіе», носитель «господина капитала», начинаетъ завоевывать больше и больше правъ, и въ концѣ 18 в. во Франціи свергаетъ «молотъ» дворянства и само занимаетъ его мѣсто; то же происходитъ и въ другихъ странахъ.

Лозунгъ: «каждому по его заслугамъ» пріобрѣтаетъ форму: «каждому по его капиталу». Таковы тѣ типическія содержанія, которыми исторія наполняла эту «вѣчную» формулу. Мы сейчасъ стоимъ какъ разъ въ срединѣ того процесса, когда капиталъ достигъ своей высшей оцѣнки и намѣчаются уже признаки замѣны этой цѣнности — новой, иной, грядущей.

§ 8.

Какимъ же содержаніемъ намѣрена наполнить исторія эту формулу? Что должно встать въ ней на мѣсто капитала и сдѣлаться основной цѣнностью для соизмѣренія заслугъ и привилегій? Какъ всякій прогнозъ, и мой отвѣтъ будетъ, конечно, гадательнымъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ весьма вѣроятенъ. Отвѣтъ гласитъ: «каждому по степени его личнаго соціально-полезнаго труда». Таково, думается, ближайшее содержаніе, которое исторія впишетъ въ эту формулу. Если вдумчиво вглядываться въ совершающіеся вокругъ насъ измѣненія, то нельзя не замѣтить, что ростъ нетрудовыхъ доходовъ постепенно ограничивается въ самыхъ различныхъ формахъ: и въ видѣ

прямого обложенія, и въ видѣ измѣненія законовъ о наслѣдствѣ, и въ видѣ конфискаціи конъюнктуральнаго роста цѣнности капитала (земельныхъ участковъ и т. д) и растущей монополизаціи производства и обмѣна государствомъ и т. д. А самое главное—путемъ прямой борьбы труда и капитала. Съ того времени, когда раскрытъ былъ фетишизмъ капитала, когда трудовая теорія цѣнности заявила, что самъ капиталъ—только продуктъ и символъ труда,—прочное и царственное владычество капитала было поколеблено. И чѣмъ дальше, тѣмъ оно колеблется сильнѣе и сильнѣе. И лично для меня нѣтъ сомнѣнія, кто побѣдитъ изъ этихъ двухъ противниковъ: рано или поздно побѣда останется, конечно, на сторонѣ труда.

Если же это такъ, то не трудно извлечь практическіе выводы изъ этого факта: такъ какъ трудъ въ настоящее время приходится главнымъ образомъ на долю «низшихъ» массъ—крестьянъ и рабочихъ,—то, разъ онъ становится главнымъ видомъ общественной заслуги, очевидно въ силу общаго закона, это должно повлечь распространеніе полноты правъ и на этихъ «низы».

А такъ какъ «низы» составляютъ большинство людей, то распространеніе полноты правъ на нихъ означаетъ ничто иное, какъ распространеніе правъ и благъ почти на все человѣчество.

Этотъ фактъ расширенія группы лицъ, пользующихся полнотой правъ, станетъ еще рельефнѣе, если учесть, что этотъ процессъ касается одинаково мужчинъ и женщинъ. Роль и функція послѣднихъ въ обществѣ постепенно уравниваются съ ролью мужчинъ. Поэтому вполнѣ естественно ожидать, что и ихъ права будутъ все болѣе и болѣе расти, что мы фактически и видимъ въ т. н. эмансипаціи женщинъ и въ весьма ясномъ и въ наши дни ростѣ ихъ правоспособности.

Таковы основныя формы, которыя принималъ лозунгъ: «каждому по его заслугамъ» на протяженіи исторіи.

§ 9.

Въ предыдущемъ мы дошли до вывода, что въ наше время формула: «каждому по его заслугамъ» стремится стать формулой: «каждому по степени его личнаго соціально-полезнаго труда». Отсюда выводъ: такъ какъ трудъ выпадаетъ главнымъ образомъ на долю трудового народа, то онъ неизбѣжно долженъ обладать и полнотой правъ, полной долей соціальныхъ благъ, до сихъ поръ цѣликомъ выпадавшихъ лишь немногимъ привиллегированнымъ.

Прямымъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что трудъ въ 19 и 20 вв. все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ выдвигаться въ качествѣ основной общественной заслуги. «Трудовой принципъ» все рѣзче и рѣзче просачивается во всѣ—и политическія, и экономическія, и соціальныя теоріи. Весь девятнадцатый вѣкъ стоитъ подъ знакомъ трудовыхъ теорій, начиная съ трудовой теоріи цѣнности въ политической экономіи и кончая многочисленными конструкціями соціализма, гдѣ трудъ является краеугольнымъ камнемъ, на который опирается зданіе всей грядущей культуры *). И въ наукѣ, и въ обыденномъ сознаніи принципъ соц.—полезнаго труда сталъ главнымъ видомъ и основнымъ критеріемъ общественной заслуги. Изъ унижающаго занятія онъ превратился въ дѣятельность, облагораживающую человѣка.

Если дѣйствительно это такъ, то въ теченіе 19-го и 20-го вѣка мы должны найти и соотвѣтственное увеличеніе правъ трудящихся, стремленіе къ уравненію ихъ правъ съ правами остальныхъ классовъ. Дана ли дѣйствительно такая тенденція?

Думается, да. Ростъ правъ трудовыхъ классовъ въ теченіе указаннаго періода проявился: 1) въ провозгла-

*) См. объ этомъ: А. Менгеръ: «Право на полный продуктъ труда». Изд. Просвѣщенія. Passim.

шеніи равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ (юридич. равенство), въ противоположность юридическому неравенству стараго права; 2) въ уничтоженіи сословій и сословныхъ привиллегій и въ провозглашеніи принципа, что представители трудовыхъ классовъ имѣютъ право, равное съ привиллегированными, на занятіе любой публичной должности, чего раньше не было и не могло быть; 3) въ равенствѣ политическомъ, въ уравненіи трудящихся классовъ съ привиллегированными въ пользованіи и въ объемѣ публичныхъ правъ человѣка и гражданина (избират. право, свобода слова, печати, союзовъ, вѣрованій, неприкосновенность личности и т. д.), 4) въ рядѣ фактовъ, направленныхъ на то, чтобы равномѣрно распредѣлить между всѣми классами основное духовное богатство — знаніе (отсюда: недопускавшееся раньше всеобщее безплатное обученіе, безплатные курсы, лекціи, библіотеки etc.) тенденція интеллектуальнаго равенства), 5) въ стремленіи къ равенству экономическихъ благъ, проявляющемуся въ постепенномъ повышеніи заработной платы, въ союзахъ рабочихъ для борьбы за ея повышеніе, въ страхованіяхъ государства отъ безработицы, старости, болѣзни etc. Естественнымъ завершеніемъ этого процесса служитъ обобществленіе средствъ и орудій производства, вполнѣ логично и правильно провозглашенное соціалистами.

Не указывая другихъ фактовъ и сказаннаго достаточно для того, чтобы считать доказаннымъ тезисъ, что ростъ цѣнности труда, какъ основной заслуги, въ глазахъ общества дѣйствительно влекъ и неизбѣжно долженъ былъ повлечь и ростъ правъ и доли соціальныхъ благъ для тѣхъ, кто является въ обществѣ представителемъ труда.

Вышеприведенное дѣйствительно подтверждаетъ выставленную теорему.

§ 10.

Было бы, однако, ошибкой думать, что этотъ процессъ уравненія правъ трудовыхъ массъ съ нетрудовыми — с

одной стороны, и процессъ установленія пропорціональности труда и вытекающихъ изъ него правъ на соціальныя блага — съ другой, законченъ. Нѣтъ! онъ только что еще начинается. Вышеуказанные факты роста правъ труда въ 19 и 20 в. — это только начало процесса. Правда — граждане объявлены равными передъ закономъ, равными въ своихъ публичныхъ правахъ и т. д. Но развѣ до сихъ поръ это равенство не остается почти исключительно словеснымъ равенствомъ? Развѣ фактически количество жизненныхъ благъ, приходящихся на долю капиталиста и рабочаго, аристократа и крестьянина равно? Развѣ мы не видимъ съ одной стороны роскошные дворцы, а съ другой— подвалы нищеты? Пресыщеніе и ничего недѣланіе однихъ, голодъ и работу до изнеможенія другихъ? Развѣ и до сихъ поръ жизнь для однихъ не является сплошнымъ пиромъ, а для другихъ — голгофой, пыткой, безпрерывнымъ трудомъ и нищетой?

Короче говоря—равенство экономическихъ благъ далеко еще не достигнуто. Какъ общее правило трудовые классы остаются обдѣленными до нашихъ дней, а львиная доля приходится классамъ «празднующимъ», и мало работающимъ.

И это относится не только къ экономическимъ благамъ. То же видимъ мы и касательно благъ почета, уваженія, общественнаго почитанія, и благъ знанія. Всѣ эти цѣнности до нашего времени выпадаютъ носителямъ труда въ малой дозѣ. Верхи общественной лѣстницы по прежнему занимаютъ привиллегированные классы.

Процессъ уравненія идетъ, но онъ далеко еще не законченъ.

Эта незаконченность уравнительнаго процесса выступаетъ и въ рядѣ другихъ формъ. На ряду съ индивидуальнымъ неравенствомъ, дано неравенство классовъ; кромѣ него — неравенство національныхъ группъ, неравенство религіозное, государственное, профессіональное и т. д., и т. д. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ есть привиллегированные и обдѣленные, эксплуататоры и эксплуатируемые, угнетатели и угнетаемые.

Правда, какъ указано выше, съ поступательнымъ ходомъ исторіи всѣ эти перегородки падаютъ, но... до окончательнаго паденія ихъ еще далеко, еще много пройдетъ времени и потребуется не мало жертвъ...

Тенденціи уравненія—несомнѣнны, но они еще далеко не закончены въ своемъ осуществленіи.

§ 11.

Спросимъ себя теперь: **какъ же должно мыслиться соціальное равенство въ своемъ идеальномъ завершеніи**? Означаетъ ли оно только установленіе извѣстной пропорціональности между заслугами индивида или группы и соціальными цѣнностями (благами) за эти заслуги? Или же оно можетъ мыслиться, какъ равенство благъ одной личности съ благами всѣхъ остальныхъ?

Выше мы отвергли такъ называемое абсолютное равенство. Отвергаемъ его и теперь. Но это не означаетъ, что самъ принципъ «пропорціональнаго равенства» при надлежащемъ развитіи не можетъ привести и не приводитъ къ равенству, близкому по виду къ равенству абсолютному.

Пояснимъ сказанное. Изъ краткаго, историческаго разсмотрѣнія формулы: «каждому по его заслугамъ», мы видѣли, что 1) самъ аршинъ, которымъ измѣряются эти заслуги сталъ равнымъ, превратившись изъ неравнаго, группового—въ индивидуальный, личный; 2) видѣли, какъ измѣнялось и само содержаніе соціальной заслуги, пройдя черезъ этапы: общественная заслуга — это близость къ божеству, это—ратная служба и управленіе, это — обладаніе капиталомъ и выполненіе торгово-промышленныхъ функцій; наконецъ,—это соціально-полезный трудъ. Каждая замѣна одной формы другою влекла за собой и расширеніе количества лицъ, управомоченныхъ на полученіе правовыхъ и соціальныхъ благъ. Формула: «каждому по его труду» означаетъ по существу распространеніе полноты правъ и благъ почти на весь народъ, на большую

часть человѣчества. Мало того: такъ какъ занятіе тѣмъ или инымъ соціально-полезнымъ трудомъ доступно почти всѣмъ, никому оно не воспрещено, а напротивъ рекомендуется, въ наши же дни начинаетъ даже принудительно вводиться («трудовая повинность); такъ какъ, далѣе, лѣнтяйничанье, праздношатательство и тунеядство все рѣзче и рѣзче порицаются общественнымъ сознаніемъ, то можно и должно ожидать, что процентъ трудящихся съ ходомъ исторіи будетъ все болѣе и болѣе расти, а процентъ бездѣльниковъ—уменьшаться. Предѣломъ его можетъ и должно быть общество, гдѣ всѣ (исключая, конечно, абсолютно неспособныхъ въ родѣ младенцевъ, калѣкъ etc.) будутъ трудиться и гдѣ не будетъ «ничего не дѣлающихъ».

Если же это такъ, и если теорема пропорціональности заслугъ и привиллегій правильна, то отсюда выводъ: что въ обществѣ будущаго полнота правъ и соціальныхъ благъ, будетъ принадлежать всѣмъ, т. е. каждый будетъ имѣть право и возможность на полученіе полной доли и экономическихъ, и духовныхъ и всякихъ другихъ благъ. Если же такое предположеніе о томъ, что всѣ будутъ трудиться — не осуществится, тогда не можетъ быть и указаннаго слѣдствія.

Таковъ первый выводъ. Но онъ еще не предопредѣляетъ, что доля этихъ благъ будетъ равной для всѣхъ. Скажутъ: трудъ всѣхъ далеко не будетъ одинаковымъ. Одинъ будетъ трудиться надъ созданіемъ новой машины а другой—бить булыжники, одинъ создастъ прекрасное произведеніе искусства, другой—будетъ выполнять чисто механическую работу. Неужели же всѣ эти виды труда будутъ оцѣниваться одинаково?

Далѣе, при одномъ и томъ же времени одинъ болѣе искусный работникъ, будетъ работать продуктивнѣе, чѣмъ другой, менѣе искусный. Какъ же уравнять ихъ и какъ измѣрять ихъ работоспособность?

Отвѣтить категорически на эти вопросы едва ли кто-нибудь въ состояніи. Возможно, что общество будущаго

исходя изъ положенія, что самыя простыя формы труда не менѣе необходимы и полезны, чѣмъ самыя сложныя (изобрѣтеніе и т. п.) найдетъ вполнѣ справедливымъ уравнять ихъ цѣнность и соотвѣтственно—и долю соціальныхъ благъ, Такое предположеніе можетъ быть допущено еще и потому, что въ будущемъ, повидимому, та или иная форма труда не будетъ принудительно навязываться каждому, а болѣе или менѣе свободно избираться каждымъ индивидомъ, сообразно его свойствамъ и склонностямъ. При такихъ условіяхъ всякая работа будетъ своего рода искусствомъ и творчествомъ, и потому должна будетъ оцѣниваться, какъ творчество.

Возможно, однако, и иная расцѣнка. Рядъ произведеній труда, для созданія которыхъ потребуется особый талантъ и одаренность (напр., произведеніе искусства, науки), могутъ оцѣниваться выше, чѣмъ рядовые продукты труда, а посему и авторы такихъ произведеній будутъ получать долю соціальныхъ благъ (эконом. блага, слава, уваженіе, восхищеніе и т. п.) болѣе высокую, чѣмъ доля рядовыхъ работниковъ. Такое положеніе дѣлъ будетъ болѣе вѣроятнымъ въ ближайшее къ намъ время. Только въ концѣ этого пути оно можетъ превратиться въ предыдущую картину равной оцѣнки всѣхъ формъ соціально-полезнаго труда.

Что касается единицы оцѣнки одинаковыхъ формъ труда, то, всего вѣроятнѣе, что такой единицей будетъ количество рабочихъ часовъ. Различная продуктивность работы въ одни и тѣ же часы, едва ли дастъ основаніе для различной доли расцѣнки. Вѣдь и теперь, не всѣ чиновники одного ранга и профессіи работаютъ одинаково продуктивно. Однако и теперь уже штаты и жалованье ихъ назначаются равными и не вызываютъ особенныхъ протестовъ. Тѣмъ болѣе это должно быть въ будущемъ обществѣ.

§ 12.

Возможность равнаго распредѣленія экономическихъ благъ (экономич. равенство)—допускается и въ принципѣ не

оспаривается. Оно кладется во главу угла соціализма. И самъ соціализмъ мыслится обычно какъ система обобществленія средствъ и орудій производства. Фр. Энгельсъ въ своемъ «Антидюрингѣ» указываетъ, что содержаніемъ пролетарскаго равенства является исключительно соціальное равенство, понимаемое въ смыслѣ уничтоженія классовъ. «Всякое же требованіе равенства переходящее эти предѣлы, неизбѣжно является нелѣпостью», говоритъ онъ. Этимъ самымъ система марксизма значительно ограничиваетъ и суживаетъ характеръ равнаго распредѣленія соціальн. благъ, а тѣмъ самымъ, и само понятіе равенства. Съ ея точки зрѣнія допустимо лишь болѣе или менѣе равное право на эконом. блага, но не можетъ быть рѣчи о болѣе или менѣе равномъ распредѣленіи благъ иного рода: права на знаніе (интеллект. равенство), права на честь, уваженіе и признаніе, права на максимумъ моральности (моральн. равенство) и т. д. Съ точки зрѣнія догмы марксизма подобное равенство не мыслимо и абсурдно.

Такъ ли это, однако? Дѣйствительно ли соціализмъ можетъ говорить только о равномъ распредѣленіи жизненныхъ экономическихъ благъ и не можетъ требовать равенства иного:—моральнаго, интеллектуальнаго и т. д.? Дѣйствительно ли абсурдно по своей сущности требованіе напр., интеллектуальнаго равенства?

Я бы не отвѣтилъ на эти вопросы такъ категорично, какъ Энгельсъ. Напротивъ, я склоненъ былъ бы думать, что соціализмъ долженъ требовать всѣ эти формы равенства и не считалъ бы такое требованіе абсолютно утопическимъ.

Соціализмъ, основнымъ элементомъ котораго является принципъ равенства, не долженъ и не можетъ ограничиваться требованіемъ одного экономическаго равенства (равное распредѣленіе экономическихъ, имущественныхъ благъ) потому, что тогда онъ означалъ бы ученіе половинчатое, не требующее равнаго распредѣленія самыхъ цѣнныхъ видовъ соціальнаго блага. Развѣ благо знанія

или благо общественнаго признанія или благо добра стóитъ меньше, чѣмъ экономическое благо и имущественная обезпеченность? Развѣ первые виды соціальныхъ благъ не болѣе или, по крайней мѣрѣ, не столь же цѣнны, какъ и благо имущественной обезпеченности, комфорта, довольства и др. матеріальныя блага?

Мало того, развѣ само имущественное равенство мыслимо и возможно безъ равномѣрнаго распредѣленія знанія, моральныхъ и правовыхъ благъ? Развѣ возможно равенство личностей, ихъ взаимная свобода и обезпеченность въ обществѣ, гдѣ будутъ умные и глупые, ученые и невѣжды, моральные люди и преступники? Развѣ въ такомъ умственно и морально дифференцированномъ обществѣ есть гарантіи, что умники подъ новыми формами не обманутъ снова невѣждъ? Развѣ въ такомъ обществѣ «добропорядочные» не будутъ снова упекать въ тюрьмы преступниковъ, а преступники убивать первыхъ; иными словами, развѣ въ такомъ обществѣ возможна подлинная свобода и не появятся снова эксплуататоры и эксплуатируемые, хищники и жертвы, тюрьмы и преступленія, короче—все зло современнаго общества?

Такую возможность едва ли можно отрицать. А потому—разъ соціализмъ объявляетъ войну всѣмъ этимъ бичамъ человѣчества, онъ неизбѣжно долженъ выставить и требованіе равенства не только экономическаго, но и интеллектуальнаго и морально-правового

Исторія 19 — 20 в.в. показываетъ, что блага послѣдняго рода человѣчество цѣнитъ не ниже, если не выше благъ чисто экономическихъ. Если бы было иначе, то мы не были бы свидѣтелями той упорной борьбы трудовыхъ массъ за блага правовыя и интеллектуальныя — (равенство передъ закономъ, равенство для занятія публичныхъ должностей, право на равныя политическія блага— избирательное право, свобода слова, печати, союзовъ, совѣсти и т. д., борьба за всеобщее и безплатное обученіе, борьба за равное уваженіе добраго имени каждаго и т. д.

и т. д.), которой полна исторія 19 и 20 в.в. и которыя цѣнились не только какъ средство для достиженія другихъ благъ, но и какъ самоцѣнности. Мыслимо ли, чтобы человѣчество и въ будущемъ перестало цѣнить эти блага и отказалось отъ борьбы за полноту надѣленія ими каждаго?—Нѣтъ, не мыслимо. Соціализмъ волей-неволей долженъ добиваться и этихъ формъ соціальнаго равенства. Иначе онъ будетъ ублюдочнымъ, отсталымъ идеаломъ, а не высшимъ воплощеніемъ высочайшихъ постиженій и завѣтныхъ чаяній.

Это значитъ, содержаніе соціализма понималось Энгельсомъ узко и не полно.

Но въ отвѣтъ мнѣ скажутъ: «допустимъ, что вы правы. Согласимся что соціализмъ долженъ требовать равнаго распредѣленія не только имущественныхъ, но и интеллектуально-правовыхъ благъ. Но вѣдь нельзя же требовать невозможнаго? А такое требованіе явно абсурдно и утопично? Оно возвращаетъ насъ къ тому «абсолютному равенству», которое вы разсмотрѣли раньше и сами же признали абсурднымъ»? Отвѣчаю на это. Прежде всего такое требованіе равнаго распредѣленія интеллектуально-моральныхъ благъ вовсе не равносильно требованію «абсолютнаго равенства». Послѣднее было бы дано, если бы я сказалъ, что разъ Х. знаетъ санскритъ его должны знать и всѣ остальные, разъ У. знаетъ теорію дифференціаловъ—ее должны знать и всѣ сочеловѣки. Интеллектуальное равенство мыслится какъ обладаніе более или менѣе одинаково развитымъ логико-мыслительнымъ аппаратомъ, а не обладаніе одинаковыми познаніями. Познанія могутъ быть различны. Одному человѣку нельзя знать всего. Это и вредно, и невозможно. Но можно и должно каждому владѣть всѣми логическими и научными пріемами, при наличности которыхъ онъ могъ бы «перерабатывать» любую «интеллектуальную пищу». Задача всякаго обученія именно къ этому и сводится прежде всего, а не къ обогащенію па-

мяти всевозможными свѣдѣніями. Разъ такой аппаратъ данъ — потенціально дана возможность овладѣть любой отраслью знанія, а слѣд. и взаимное умственное равенство и умственная независимость. Дѣло каждаго уже выбрать себѣ любую сферу знанія и работать надъ ея проблемами. Такое «интеллектуальное равенство», какъ видимъ, далеко отъ «абсолютнаго равенства» и вовсе не направлено на то, чтобы опустить Ньютона до уровня дикаря, а напротивъ, поднять послѣдняго до высоты перваго.

То же mutatis mutandis примѣнимо и къ моральному равенству. И оно не обозначаетъ того, что разъ во имя долга я перевязываю раны сифилитикамъ, то же обязаны дѣлать и всѣ. Нѣтъ! Формъ проявленія альтруизма безконечно много и каждый можетъ и долженъ здѣсь дѣлать то, что соотвѣтствуетъ его склонностямъ. Важно только, чтобы все поведеніе въ цѣломъ вызывалась и соотвѣтствовало заповѣдямъ дѣйственной любви. Посему и моральное равенство не требуетъ низведенія Христа на уровень разбойника, а стремится къ тому, чтобы послѣдняго поднять до уровня перваго.

Въ силу сказаннаго первое возраженіе отпадаетъ.

Теперь спросимъ себя: а мыслимо ли, чтобы подобныя формы равенства могли быть осуществлены? Развѣ не аксіома, что люди рождаются неравными, одинъ съ хорошей наслѣдственностью, другой—съ другою, одинъ съ прирожденными талантами, другой—безъ оныхъ? Развѣ же не утопія думать, что все это можетъ быть преодолѣно? Далѣе, не означало ли бы такое равенство подавленіе индивидуальности, ея самобытности и отрицаніе пользы дифференціаціи и борьбы за совершенствованіе и господство?

Отвѣчаю. Подавленія индивидуальности нѣтъ, ибо не можетъ же считаться обществомъ, подавляющимъ индивидуальность, общество, состоящее изъ Гете, Гегеля, Канта, Бетховена и т. п. лицъ. Это означаетъ только, что все общество состоитъ изъ геніевъ, но каждый изъ нихъ свободенъ въ своемъ творчествѣ. Біологическія основанія неравенства:

наслѣдственность, борьба за существованіе, дифференціація—несомнѣнно препятствія серьезныя и громадныя но... не непреодолимыя: Бугле и Драгическо прекрасно показали, что всѣ эти факторы неравенства постепенно побѣждаются соціальными факторами и начинаютъ играть все меньшую и меньшую роль. Доказывать этого здѣсь я, не буду, но просто отошлю читателя къ указаннымъ работамъ *).

Въ нихъ достаточно убѣдительно показано, что сама исторія и жизнь ведутъ къ указаннымъ формамъ равенства. Правда, полное умственно-моральное уравненіе—предѣлъ, абсолютный идеалъ, который быть можетъ, никогда не будетъ достигнутъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что историческое колесо вертится именно въ этомъ, и не въ иномъ направленіи. Вотъ почему, идеалъ соціальнаго равенства и соціализма безъ этихъ формъ равенства былъ бы неполонъ, и вотъ почему, онъ не можетъ не выставлять подобнаго требованія.

Для болѣе быстраго движенія въ этомъ направленіи теперь на помощь стихійному ходу жизни должна придти новая соціальная наука—раціональная педагогика, созданіе коей является задачей дня и которая—я не сомнѣваюсь, рано или поздно будетъ создана.

Въ видѣ заключенія даннаго очерка не безполезно кратко очертить сущность и задачи этой новой дисциплины.

§ 13.

Въ послѣднее время мнѣ довольно часто приходитъ въ голову вопросъ: не слишкомъ ли громоздка современная система обученія и воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы получить небольшія сравнительно знанія, кончающаго университетъ студента, мы учимся въ среднемъ 15—16 лѣтъ и къ двадцати двумъ, къ двадцати тремъ годамъ получаемъ свидѣтельство объ окончаніи высшаго учебнаго заведенія, свидѣтельство фи-

*) См. Bouglé: La Démocratie devant la science 1904. Dragicesco: Du rôle de l'individu dans le determinisme social (1904). См. Сорокинъ: Преступленіе и Кара. Гл. VII и VIII.

ктивное, такъ какъ многіе «кандидаты» въ дѣйствительности не обладаютъ той суммой познаній и той степенью логическаго мышленія, которая удостовѣряется этимъ свидѣтельствомъ или дипломомъ.

Поставленный вопросъ имѣетъ значеніе не только въ этомъ, такъ сказать, академическомъ смыслѣ, но онъ важенъ и въ другомъ чисто общественномъ отношеніи: съ нимъ ближайшимъ образомъ связаны интересы всего соціальнаго прогресса. Въ самомъ дѣлѣ, если для полученія совокупности познаній, соотвѣтствующихъ курсу высшей школы, необходимо 15—16 лѣтъ ученія—то, очевидно, при современныхъ условіяхъ, указанная степень знанія будетъ недоступна громадной массѣ трудового народа, членамъ котораго съ малыхъ лѣтъ приходится прежде всего добывать хлѣбъ, а потомъ ужъ думать о грамотѣ. Далѣе, если образованіе по прежнему будетъ оставаться привиллегіей немногихъ, сытыхъ классовъ, если по прежнему будутъ группы образованныхъ и необразованныхъ, то тѣмъ самымъ будетъ существовать и источникъ соціальнаго неравенства, иначе говоря, по прежнему останутся бѣдные и богатые, эксплуатируемые и эксплуататоры, «молотъ и наковальня». Возьмите современное общество, обобществите всѣ орудія и средства производства (обычный рецептъ для врачеванія болѣзни соціальнаго неравенства) и я увѣренъ, что на другой же день, уничтоженный этимъ обобществленіемъ дуализмъ «молота и наковальни», эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ снова вспыхнетъ. Перемѣнятся только названія: тюрьмы назовутъ «домами правосудія», но отъ этого едва ли будетъ лучше тѣмъ, кто будетъ заключенъ въ нихъ. На соціальномъ строѣ будетъ стоять вывѣска: «libertè, fraternitè, ègalitè», но эта «свобода» будетъ той же свободой «свободнаго» извозчика, или голоднаго рабочаго, готоваго отдать ее за чечевичную похлебку первому встрѣчному, лишь бы не умереть съ голоду. А братство такого строя не очень далеко уйдетъ отъ братства, посылающаго брата на эщафотъ и лицемѣрно утѣ-

шающаго его словами: «умри, братъ мой, во имя Христа или общественнаго блага». Фигура современнаго капиталиста превратится въ такомъ строѣ въ какого-нибудь «директора общественныхъ работъ», но соціальное положеніе послѣдняго будетъ такъ же отличаться отъ положенія «управляемыхъ», какъ положеніе капиталиста отъ положенія рабочихъ.

Говоря коротко, не нужно быть ни контистомъ, ни нео-позитивистомъ, чтобы согласиться съ тѣмъ, что болѣе или менѣе равномѣрное распредѣленіе знанія и образованія во всѣхъ слояхъ общества есть условіе, безъ котораго невозможна эгалитарная система общества.

Помимо этихъ сторонъ обсуждаемая здѣсь проблема имѣетъ значеніе и въ третьемъ отношеніи. Какъ никакъ, а въ данный моментъ мы находимся въ той стадіи культуры, когда культурныя цѣнности создаются не случайно, не безсознательно, а раціонально, т. е. путемъ приложенія тѣхъ или иныхъ знаній къ тѣмъ или инымъ практическимъ потребностямъ. Ни въ какой области культуры теперь нельзя творить тяпъ-ляпъ, наугадъ, безъ подготовки и безъ знаній. Любители мистицизма и интуитивизма могутъ сколько угодно упражняться въ составленіи дифирамбовъ «творчеству по вдохновенію». Но ни мы, ни они не поручимъ постройку моста человѣку, не знающему «ни бе, ни ме» въ техникѣ строительства, врачеваніе—не спеціалисту, обученіе—не педагогу. Даже наиболѣе вдохновенная область творчества — искусство—и то требуетъ долговременной муштровки и упражненій. Правда, въ нашей дѣйствительности бываетъ еще не рѣдко, что пироги печь поручается сапожнику, а обученіе—дворнику, но результаты такой системы — на глазахъ у всѣхъ. Разъ это такъ, то отсюда слѣдуетъ, что высшая степень знанія (и по качеству и по количеству) является источникомъ и болѣе интенсивнаго творчества культурныхъ цѣнностей, и обратно. Въ этомъ смыслѣ правъ былъ Тардъ, назы-

вающій изобрѣтенія основнымъ факторомъ соціальнаго прогресса. Поэтому, ускоренный качественно-количественный ростъ знанія является тѣмъ самымъ и ростомъ матеріальнаго и психическаго благополучія, иначе говоря, соціальнаго прогресса. Большее знаніе поведетъ къ большему числу изобрѣтеній, низкое знаніе—парализуетъ творчество.

Эта задача—углубленія и распространенія знаній, выдвигаемая самой жизнью, такъ или иначе осуществлялась въ продолженіи исторіи (иначе невозможенъ былъ бы и самый соціальный прогрессъ). Такъ или иначе она выполняется и теперь. Но, какъ я указалъ въ началѣ статьи, вглядываясь въ современную систему образованія и обученія, позволительно усумниться въ томъ, что она слѣдуетъ закону «экономіи силъ». Разъ это такъ, то самъ собой встаетъ вопросъ: нельзя-ли упростить эту систему, нельзя ли сдѣлать такъ, напр., чтобы то, что знаетъ теперь человѣкъ послѣ 20 лѣтней выучки—зналъ мальчикъ 10—12-ти лѣтъ? Думается, что указанная проблема достаточно важна, чтобы привлечь къ себѣ нѣсколько больше вниманія, чѣмъ ей удѣляется обычно.

§ 14.

То, что сказано выше относительно интеллектуальнаго развитія, въ одинаковой мѣрѣ приложимо и къ моральному воспитанію, сводящемуся по существу къ такому измѣненію поведенія человѣка, которое было бы соціально-полезно—съ одной стороны, и обезпечивало бы въ то же время для личности maximum самоопредѣленія и самопроявленія. Что современная система воспитанія, состоящая частью въ искуственномъ воздѣйствіи на поведеніе человѣка (школа, семья и профессія), частью же осуществляемая самой жизнью въ видѣ безконечныхъ, сплошь и рядомъ совершенно не поддающихся учету, воздѣйствій «среды»,—что эта система далеко не удовлетворительна, это видно уже изъ одного факта существованія тюремъ, каторги, наказаній и наградъ, установляемыхъ государствомъ, и еще въ большемъ масштабѣ—самимъ обществомъ. Идеальная

система воспитанія та, при которой каръ и наградъ нѣтъ. Если же они есть—это признакъ того, что поведеніе людей данной группы не соотвѣтствуетъ тому среднему моральному уровню, который диктуется обществу самой жизнью, иначе говоря, признакъ того, что аппаратъ воспитательныхъ средствъ безсиленъ и не достигаетъ вполнѣ своей цѣли. Но и помимо того, стоитъ ретроспективно вглядѣться въ исторію человѣчества—чтобы согласиться съ тѣмъ, что эта задача выполнялась и выполняется довольно скверно. Жертвъ слишкомъ много на этомъ пути, а ошибокъ и того больше. Процессъ улучшенія нравовъ (поведенія) растягивается на рядъ десятилѣтій и даже столѣтія. Соціальная инерція особенно сильно даетъ себя знать въ этой области. Правда, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ скорѣе становится темпъ прогресса нравовъ. Но все же онъ не настолько быстръ, чтобы «принять его», положиться на него и успокоиться на мысли, что все равно, въ концѣ-то концовъ, все идетъ къ лучшему. Можетъ быть это и вѣрно, что все идетъ къ лучшему, но едва-ли человѣчеству приличествуетъ подобная «созерцательная» роль: слишкомъ больно бьетъ она по тѣлу самого же человѣка—съ одной стороны, съ другой—человѣчество достаточно созрѣло, чтобы попытаться взять и дѣло своего воспитанія въ свои руки. Выражаясь образно, оно должно взять въ руки кнутъ и подгонять имъ медленную колесницу времени. Теперь же задача эта далека еще отъ рѣшенія. Это видно хотя бы, изъ того, что при современныхъ способахъ воспитанія мы безсильны измѣнить поведеніе «привычнаго» преступника. Создали на этотъ счетъ даже цѣлую теорію «неисправимыхъ» или прирожденныхъ преступниковъ! Для успокоенія совѣсти эта теорія, пожалуй, и годна, но по существу она говоритъ о полномъ безсиліи современныхъ воспитательныхъ пріемовъ. Современное «исправленіе», такихъ лицъ состоитъ въ смертной казни, или въ кастрированіи, или пожизненномъ заключеніи. Эти рецепты, конечно, очень легки, но развѣ они

не говорятъ о томъ же банкротствѣ современныхъ системъ соціальнаго воспитанія, и развѣ не приходится невольно краснѣть отъ стыда, когда ученые мужи и государственные дѣятели серьезно и дѣловито говорятъ объ этихъ методахъ?—Мы должны всемѣрно стремиться найти новые, болѣе раціональные способы соціальнаго воспитанія. Жизнь болѣе не ждетъ, а настойчиво требуетъ разрѣшенія этой задачи. Конечно, такой задачи нѣтъ для того, кому совершенно «наплевать» и на культуру, и на прогрессъ, и на соціализмъ. Но съ такими господами намъ не о чемъ разговаривать. Резюмирую сказанное: и въ интересахъ общечеловѣческой культуры, и въ интересахъ общаго благоденствія, наше время требуетъ изобрѣтенія новыхъ методовъ воспитанія и обученія, методовъ безконечно болѣе интенсивныхъ, чѣмъ современныя экстенсивныя способы достиженія этихъ задачъ. Выполненіе этой цѣли—составляетъ ближайшую очередную практическую задачу соціальной науки и всѣхъ ея оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ представителей. Человѣчеству нужны не только прозрачныя и элегантныя узоры чистой теоріи, но и практическіе плоды этихъ теорій, ибо одна теорія безъ практическихъ результатовъ мертва есть...

§ 15.

Меня могутъ спросить: собственно говоря, чего же вы хотите? Развѣ не осуществлено уже то, о чемъ вы говорите? Развѣ нѣтъ уже теперь науки-педагогики? Развѣ для достиженія указанныхъ задачъ не созданы теперь всевозможныя системы обученія, методики и дидактики? и т. д. Конечно, все это есть, отвѣчу я, но все это, какъ говорилъ я выше, плохо и скверно устроено. Да простятъ мнѣ педагоги, но откровенно говоря, я не прочь сравнить современную педагогику съ той медициной, лѣкарства и рецепты которой состоятъ изъ угольковъ и нашептываній. Наше время требуетъ иной педагогики, дѣйствіе которой расчитано не на десятки годовъ, а на годы или даже мѣсяцы.

Вотъ именно такой быстродѣйствующей педагогики я и хочу и обращаю вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто захотѣлъ бы подвизаться на этой почвѣ, на эту крупнѣйшую и важнѣйшую очередную задачу нашего времени. Но въ чемъ-же она состоитъ, могутъ спросить меня, и вообще возможна ли она?

На первый вопросъ отвѣчаю откровенно: я не знаю. На второй отвѣчаю утвердительно: да возможна. Вотъ на этомъ то вопросѣ я и остановлюсь подробнѣе, такъ какъ показать, что она возможна, это значитъ показать, что она не есть бредъ ненормальнаго фантастическаго воображенія, а слѣдовательно, надъ такой задачей вполнѣ можно трудиться. Иначе говоря, я могу повторить въ свое оправданіе старинный аргументъ, гласящій: правильно поставить проблему—значитъ наполовину рѣшить ее.

Для того, чтобы строить мостъ на луну, необходимо прежде всего рѣшить вопросъ—возможно ли и осуществимо ли такое предпріятіе. И только, получивъ положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ—можно уже перейти къ слѣдующему вопросу: какъ строить. Такъ же обстоитъ дѣло и въ данномъ случаѣ. Изслѣдуя вопросъ о возможности или невозможности обсуждаемой нами задачи, вмѣстѣ съ тѣмъ, попутно можетъ быть удастся намѣтить и тѣ основные пути, по которымъ должны направиться первые поиски отыскиваемой нами «жаръ птицы».

Раздѣлимъ вопросъ на два отдѣльныхъ вопроса. Обсудимъ сначала: возможна-ли «интенсификація» пріемовъ и средствъ интеллектуальнаго развитія, а затѣмъ перейдемъ къ изученію вопроса о возможности «интенсификаціи» способовъ моральнаго воспитанія, т. е. объ измѣненіи поведенія сообразно съ той или иной постановленной цѣлью.

Всякое интеллектуальное развитіе въ суммарномъ видѣ можетъ быть разложено на два основныхъ элемента: на пріобрѣтеніе познаній, или знаній и на развитіе способности правильнаго, логическаго мы-

шленія (сужденіе, умственный анализъ и синтезъ, умозаключеніе, дедукція, индукція и т. д.). Слѣдовательно, задача интенсивнаго культивированія интеллекта сводится къ болѣе быстрому усвоенію знаній, во первыхъ, и къ болѣе быстрому развитію логизма, во вторыхъ. Возможно ли такое искусственное ускореніе этихъ двухъ процессовъ? И если возможно, то гдѣ предѣлъ этого ускоренія? Говоря конкретно, возможно ли, чтобы та степень интеллектуальнаго развитія, которая достигается теперь въ среднемъ черезъ 15—20 лѣтъ обученія, достигалась въ 2—3 года. Вглядываясь въ исторію умственнаго развитія человѣчества и въ отдѣльные факты окружающей насъ жизни, нельзя не притти къ выводу, что теоретически здѣсь нѣтъ препятствій. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстенъ тотъ фактъ, что запасъ знаній, которымъ обладаетъ въ наше время 10 лѣтній мальчикъ былъ въ общемъ недоступенъ взрослому человѣку, жившему на 3—4 поколѣнія раньше. Первобытный человѣкъ, въ условіяхъ первобытной жизни, можетъ учиться всю жизнь, но онъ по степени своего интеллектуализма будетъ ниже нашего 7—8-ми лѣтняго школьника. Для перваго таблица умноженія, или счетъ болѣе 10-ти, есть уже невѣроятно трудная, почти невозможная задача. Овладѣть же и сохранить въ своей памяти ту сумму свѣдѣній, которою располагаетъ школьникъ, онъ буквально не въ состояніи. Не лучше обстоитъ дѣло и съ логической стороны; какъ бы ни была слаба степень логическаго мышленія нашего 6—7-ми лѣтняго мальчика, однако, для него все же невозможна такая логика: «кошка есть не кошка», «собака есть ворона», «папа есть береза». Между тѣмъ, для примитивнаго человѣка такая алогическая логика не только возможна, но является нормой. (См. на, этотъ счетъ рядъ этнографическихъ работъ и, въ частности, книгу Леви—Брюля: Les fonctions mentales dans les sociétes infèrieures.

По мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся по лѣстницѣ культуры, процессъ развитія интеллекта становится все

болѣе и болѣе быстрымъ. Слѣдовательно, мозгъ человѣка становится все болѣе и болѣе «помѣстительнымъ» и болѣе способнымъ къ мышленію.

Теперь встаетъ вопросъ: чему слѣдуетъ приписать большую способность къ мышленію современнаго мозга— закону ли наслѣдственности, или же соціальной средѣ? На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть данъ лишь одинъ: постольку, поскольку мы имѣемъ дѣло не съ поврежденнымъ мозгомъ, его большая или меньшая способность къ мышленію вызывается именно той соціальной средой, въ которую погруженъ человѣкъ. Этотъ отвѣтъ слѣдуетъ изъ того факта, что способность мышленія сама по себѣ не наслѣдственна. Возьмите культурнаго ребенка, помѣстите его въ первобытное общество и онъ выростетъ дикаремъ, безъ обученія сынъ самаго великаго мыслителя не будетъ умѣть ни читать, ни писать, ни считать. Яркимъ подтвержденіемъ сказаннаго могутъ служить факты, сообщаемые Николаи Тульпомъ, Коннором и др. о мальчикахъ, выросшихъ внѣ человѣческаго общества, которые не знали даже языка и имѣли вполнѣ звѣриный видъ и нравы. (См. объ этомъ А. Погодинъ. Языкъ какъ творчество, 178—179. Бехтеревъ. О воспитаніи въ младенческомъ возрастѣ. (Вѣстн. психологіи 1913. III).

И обратно, многіе изъ дикарей, перенесенные въ культурную среду, дѣлались культурными, а нерѣдко весьма крупными мыслителями. Изъ этихъ фактовъ, ставшихъ теперь общимъ достояніемъ науки, выводъ одинъ: та или иная степень интеллектуальнаго развитія опредѣляется, если не исключительно, то по преимуществу окружающей человѣка соціальной средой, а не наслѣдственностью. Именно, благодаря «нажиму и давленію» этой среды развивается и культивируется мышленіе. Одинъ и тотъ же по своему біологическому строенію мозгъ, будетъ плохо мыслить и мало знать, если его носитель съ малыхъ лѣтъ будетъ жить въ средѣ готтентотовъ, и будетъ недурно

мыслить, если обладатель его будетъ жить въ культурной средѣ. Слѣдовательно, тѣ иксы, которые культивируютъ, вызываютъ, развиваютъ разумъ, исходятъ изъ соціальной среды. Поэтому, изслѣдователь прежде всего долженъ уловить и выдѣлить эти иксы, и особенно тѣ изъ нихъ, которые играютъ здѣсь первую роль... Теперь посмотримъ дальше. Представимъ себѣ, что главные изъ этихъ иксовъ, развивающихъ интеллектъ схвачены. Что можетъ помѣшать тому, чтобы надлежащимъ образомъ скомбинировавъ и конденсировавъ ихъ, направить ихъ дѣйствіе на мозгъ? Подобно тому, какъ физикъ, пользуясь опредѣленными методами, можетъ для своихъ цѣлей довести нормальное давленіе атмосферы до давленія ста атмосферъ, подобно этому мыслимо и конденсированное давленіе интеллектуализирующихъ факторовъ соціальной среды, доведенное до 50-ти или 100-кратнаго давленія обычной интллектуализирующей атмосферы соціальной среды данной группы. Если это будетъ осуществлено, тѣмъ самымъ будетъ рѣшена основная задача новой педагогики. А тѣмъ самымъ будетъ реализирована и та «утопія», о которой мы здѣсь говоримъ. Слѣдовательно, все дѣло здѣсь въ достаточной изобрѣтательности. Физики сумѣли уже изобрѣсти насосъ, позволяющій въ сотни разъ увеличивать давленіе воздушной атмосферы; теперь соціологи и психологи должны изобрѣсти «психическій насосъ». который бы въ сотни разъ скорѣе и сильнѣе интеллектуализировалъ мозгъ и «вкачивалъ» въ него «психическую атмосферу». Именно, въ изобрѣтеніи такого «насоса», т. е. въ выдѣленіи, опредѣленіи и въ надлежащей комбинаціи интеллектуализирующихъ факторовъ среды и заключается первая и очередная задача тѣхъ, кто будетъ трудиться на этомъ поприщѣ созданія новой науки обученія народныхъ массъ.

Если почему либо читателю покажется утопіей сказанное выше, то я могъ бы указать, что эта утопія не такъ ужъ утопична по той хотя причинѣ, что она въ

частичномъ видѣ уже осуществлена жизнью. Именно тотъ указанный выше фактъ—болѣе быстраго культивированія мозга—говоритъ о томъ, что въ современныхъ обществахъ есть уже болѣе лучшій и болѣе совершенный психическій насосъ, чѣмъ въ древнихъ, т. е. въ современномъ обществѣ имѣются уже въ большемъ количествѣ и въ лучшей комбинаціи тѣ факторы, которыя вызываютъ и развиваютъ интеллектуализмъ (разумъ). Отсюда, до радикальнаго психическаго насоса остается одинъшагъ: подвергнуть контролю эти воздѣйствія среды, выдѣлить искомые факторы, увеличить ихъ силу и скомбинировать ихъ надлежащимъ образомъ. Когда это будетъ сдѣлано—задача будетъ рѣшена и процессъ интеллектуализированія, совершавшійся до сихъ поръ полустихійно, будетъ взятъ въ свои руки человѣчествомъ. Данные жизни только подтверждаютъ эту мысль. Такими подтвержденіями могутъ служить прежде всего біографіи вундеркиндовъ, въ родѣ хотя бы Джона Стюарта Милля, который въ 4 года писалъ, если не ошибаюсь, стихи на греческомъ языкѣ, а въ 10—12 лѣтъ зналъ больше нашего рядового студента. Говорятъ, что такія лица, какъ Милль, какъ Ферреро, и тысячи другихъ дѣтей—вундеркинды. Но вѣдь это не объясненіе. Должно же ихъ вундеркиндство имѣть свои причины: не изъ пустоты же появились вдругъ въ головѣ Милля знанія, а у Ферреро—музыкальные таланты. Но вѣдь и не изъ соціальной же среды? могутъ отвѣтить мнѣ на это. А, вы въ этомъ увѣрены? спрошу я въ свою очередь. Вы учли всѣ тѣ вліянія, которыя оказала она на нихъ съ первыхъ дней ихъ рожденія и въ теченіе жизни? Познакомились вы детально съ педагогикой Джемса Милля? Взвѣсили до мелочей ея отдѣльные пріемы? Изслѣдовали внимательно всѣ тѣ психо-соціальныя вѣянія, которыя обдували душу Милля съ начала его жизни? Нѣтъ?—Ну, такъ тогда подождите возражать. Къ этому я могъ бы прибавить и обратный доводъ: тотъ же Милль, перенесенный съ малыхъ лѣтъ къ какимъ-нибудь австралійскимъ

негритосамъ, вѣроятно не былъ бы Миллемъ, а сталъ бы обычнымъ, можетъ быть болѣе умнымъ дикаремъ и только. Такіе факты исторіи мысли извѣстны, а остановка умственнаго развитія даже геніальнаго мыслителя, оторваннаго отъ культурной среды—фактъ также общеизвѣстный (примѣромъ можетъ служить хотя бы Н. Г. Чернышевскій).

Но гораздо большій матеріалъ, подтверждающій возможность подобной интенсификаціи интеллектуальнаго воспитанія, даютъ различнаго рода самоучки изъ «низовъ», которые въ одинъ, два года овладѣваютъ тѣмъ матеріаломъ, на усвоеніе котораго тратятъ обычно 10—15 лѣтъ. Литературнымъ образцомъ такихъ лицъ можетъ служить Мартинъ Идэнъ Дж. Лондона. Такихъ Идэновъ немало хотя бы въ нашей рабочей средѣ.

Изъ сказаннаго можно заключить что обсуждаемый здѣсь вопросъ не такъ ужъ утопиченъ. Все дѣло лишь въ достаточной степени изобрѣтательности. Кое что уже и теперь добыто въ этомъ направленіи въ психо-соціологіи и въ педагогикѣ. Но это «кое что» пока еще очень незначительно. Необходимъ болѣе быстрый темпъ изобрѣтательности въ этой области, а онъ возможенъ, очевидно, лишь тогда, когда будетъ больше работниковъ на этой почвѣ и когда они болѣе широко взглянутъ на суть дѣла здѣсь. Нельзя болѣе довольствоваться заплеснѣвѣлыми методиками и дидактиками. Нужны болѣе точные, если угодно, чисто лабораторные пріемы изученія этихъ вопросовъ, начало чему, къ счастію, уже положено и теперь.

§ 16.

Все вышесказанное mutatis mutandis примѣнимо и къ моральному воспитанію. Воспитаніе человѣка представляетъ то или иное измѣненію его свойствъ и поведенія, сообразное съ поставленной цѣлью или идеаломъ. Вопросъ о возможности интенсификаціи его сводится къ вопросу: способенъ ли человѣкъ къ измѣненію своихъ моральныхъ навыковъ и актовъ поведенія или нѣтъ? Отвѣтъ можетъ быть только утвердительнымъ: какъ и все въ мірѣ наряду

съ неорганическими (металлы) и органическими тѣлами (культура растеній), поведеніе и свойства человѣка могутъ быть измѣняемы, если только даны надлежащіе условія и средства. Слѣдовательно, и здѣсь весь вопросъ сводится къ отысканію надлежащихъ реактивовъ, дѣйствуя которыми, можно было бы вызывать въ поведеніи человѣка надлежащій эффектъ. Задача эта по существу сводится къ двумъ пріемамъ: во первыхъ къ тому, чтобы запечатлѣть въ умѣ человѣка идею добра, или надлежащую норму поведенія (напр., нельзя лгать, нельзя эксплуатировать другого), во вторыхъ, къ тому, чтобы сдѣлать эту идею дѣйственной, [1]) т. е. привести ее въ такую связь съ центрами, управляющими актами человѣческаго поведенія, чтобы она при надлежащихъ условіяхъ, производила такое давленіе на эти двигательные центры, что для человѣка стало бы возможнымъ лишь одно поведеніе, именно то, которое диктуется нормой. Если эти двѣ задачи будутъ такъ или иначе достигнуты—проблема моральнаго воспитанія будетъ рѣшена. Тогда не нужны будутъ ни тюрьмы, ни висѣлицы, ни эшафоты, ни розги, ни удары, ни весь вообще богатый арсеналъ карательныхъ и наградныхъ давленій. Говоря юмористически, тогда плохого человъка, вмѣсто того, чтобы карать или убивать его, нужно будетъ только отдать «въ передѣлку», какъ отдаютъ уже и теперь алкоголиковъ въ клиники, многихъ душевно-больныхъ въ лечебницы, изъ которыхъ они выходятъ въ значительной степени передѣланными и «заряженными», по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время, моральной энергіей, удерживающей ихъ отъ пьянства.

Хотя это и не входитъ въ задачу данной статьи, но все же я позволю замѣтить, что если надлежащимъ образомъ использовать тѣ данныя, которыми располагаютъ

---

[1]) См. объ этомъ недурную ст. A. Bauer'a: Essai sur la logique de l'education morale, въ Revue internat de sociologie, (1912 г. № 2).

современная физіологія, психіатрія, психологія и соціологія, напр., ученіе о гипнозѣ, индивидуальномъ и коллективномъ, ученіе школы акад. Павлова объ абсолютныхъ и относительныхъ рефлексахъ, данныя коллективной психологіи о зараженіи, подражаніи и массовыхъ движеніяхъ (Н. К. Михайловскій, Тардъ, Сигелэ, Росси, Ф. Сквиллаче и др.), данныя біологіи относительно повторенія и привычки и т. д. то, при надлежащей степени изобрѣтательности и теперь уже можно было бы открыть «институты моральнаго воспитанія массъ», и «быстраго морализированія и исправленія преступниковъ». Но объ этомъ я не собираюсь здѣсь говорить.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: наше время не можетъ больше мириться съ современными системами воспитанія и обученія, дѣйствующими слишкомъ медленно и нерѣдко безуспѣшно. Нужны, образно говоря, настоящіе психическіе и моральные насосы.

Для изобрѣтенія ихъ нѣтъ теоретическихъ препятствій. Практическія событія дѣйствительности показываютъ, что интенсификація и воспитанія и обученія—вполнѣ возможны. Разъ это такъ, то передъ всѣми, работающими въ этихъ сферахъ, встаетъ заманчивая и благодарная задача—способствовать достиженію указанныхъ цѣлей.

Съ созданіемъ такой дисциплины дѣло интеллектуально-моральнаго уравненія пойдетъ безконечно болѣе быстро, чѣмъ оно шло до сихъ поръ.

Безъ послѣдняго соціализмъ обойтись не можетъ и потому передъ нимъ стоитъ: aut, aut: или такое уравненіе должно быть, тогда идеалъ соціализма—будетъ полонъ, или соціализмъ отъ него отказывается, тогда самъ онъ становится идеаломъ ублюдочнымъ, мѣщански—половинчатымъ.

Теорія факторовъ въ соціологіи народничества.

Душа и лицо каждой партіи опредѣляется не только ея программными требованіями, но и той идеологіей, которая является фундаментомъ послѣднихъ и ихъ обоснованіемъ. Въ силу этого, для знакомства съ партіей недостаточно знать ея голую программу, нужно также знакомство и съ указанной идеологіей. По тѣмъ же причинамъ для каждой партіи, вышедшей на открытую политическую работу, важна разработка не только конкретныхъ вопросовъ дня, но и чисто идейныхъ, теоретическихъ посылокъ.

Нужно только, чтобы при этомъ не повторялась старая ошибка. Разногласія въ теоріи, неизбѣжныя между отдѣльными партіами и даже въ средѣ одной и той же партіи, не должны переноситься на политическую работу послѣдней, не должны вызывать разъединенія въ практической политикѣ партіи. Поэтому, мы считаемъ вполнѣ мыслимымъ полное единеніе всѣхъ членовъ одной партіи, объединяющихся вокругъ одной программы, при наличности расхожденія ихъ философско-соціологическихъ воззрѣній.

Какъ различіе эстетическихъ вкусовъ не должно отражаться на политикѣ членовъ одной партіи, такъ же не должно отражаться на ней и расхожденіе въ общихъ принципахъ партійнаго міросозерцанія. И. П. Каляевъ любилъ декадентовъ, Егоръ Сазоновъ не признавалъ ихъ. Это не мѣшало имъ совмѣстно работать въ одномъ великомъ дѣлѣ и глубоко любить и восхищаться другъ другомъ.

Послѣ этого «введенія» позволительно перейти къ темѣ настоящаго очерка.

«Теорія факторовъ» является центральной и любимой проблемой всякой соціологической системы. Она имѣется въ каждой изъ соціологическихъ теорій. Большинство соціологовъ до недавняго времени являлись въ этомъ вопросѣ «монистами». Они обычно выдѣляли роль какого-нибудь одного фактора, признавали его главнымъ, а, иногда, и единственнымъ, и пытались исключительно имъ объяснить историческіе процессы. Это относится и къ Тарду, и къ Гумпловичу, и къ теоріи марксизма, и къ Де-Роберти, и къ ряду др. соціологовъ.

Есть ли теорія факторовъ въ соціологіи народничества? И если есть, какова она?

Ставя эти вопросы, я вовсе не думаю этимъ сказать, что каждая партія непремѣнно должна имѣть и свою собственную партійную теорію по поводу того или иного вопроса. Въ противоположность тов. Кочаровскому, я не думаю, что должна существовать, — напр., специфически народническая соціологія. Нѣтъ! Наука — едина. Какъ нѣтъ и не можетъ быть спеціально марксистской математики или соціалъ-демократической химіи, физіологіи, такъ не можетъ быть и марксистской или народнической соціологіи, какъ науки.

Если же партійная соціологія существуетъ, то это объясняется лишь тѣмъ, что соціологія, какъ наука, еще малоразвита, не установлена, почему каждой партіи и приходится создавать свою собственную соціологію, предполагая, что она является въ то же время и научной соціологіей, т. е. общеобязательной для всѣхъ.

Каковъ же отвѣтъ народнической соціологіи и есть ли онъ?

Несомнѣнно есть — и отвѣтъ весьма ясный и опредѣленный. Основная сущность его сводится къ слѣдующему:

Въ противоположность монистическимъ теоріямъ, выдѣляющимъ, преимущественно одинъ факторъ — подражаніе, экономику, знаніе, борьбу расъ и т. д., — народническая соціологія выдвигаетъ положеніе о многочисленности факторовъ. Этотъ тезисъ мы находимъ одинаково въ трудахъ

и Михайловскаго, и Лаврова, и болѣе молодыхъ теоретиковъ народничества, каковы В. М. Черновъ, Л. Шишко и др. Вполнѣ систематическій очеркъ этого вопроса мы находимъ въ «Важнѣйшихъ моментахъ въ исторіи мысли» П. Л. Лаврова. Здѣсь, въ первомъ же этюдѣ: «Подготовленіе человѣка» П. Л. Лавровъ даетъ такую схему факторовъ: первымъ условіемъ, необходимымъ для появленія и дѣятельности человѣка и вліяющимъ на всю структуру общественной жизни, являются силы физико-химическія, каковы температура, геологическія условія, соли для питанія, распредѣленіе земли и воды и т. д.

Второй категоріей силъ или факторовъ, вліяющихъ на общественную жизнь, служатъ условія біологическія, процессы и явленія жизни; таковыми являются подборъ, наслѣдственность, борьба за существованіе и т. д.

Наконецъ, третьей категоріей факторовъ являются условія соціально-психическія, прежде всего, самъ фактъ, общежитія и психическаго взаимодѣйствія. «Коллективная форма существованія организмовъ», солидарныхъ между собою, сама по себѣ является соціологическимъ орудіемъ общежитія, имѣющимъ громадное значеніе. Она обусловила возможность появленія психики и создала психологическое орудіе сознанія.

Разъ мысль появилась, она въ дальнѣйшемъ становится главнымъ орудіемъ культуры и прогресса. Всѣ факторы, какъ видимъ распредѣляются П. Л. Лавровымъ на три основныя группы: физико-химическую, біологическую, соціально-психическую. Каждая группа, въ свою очередь, разбивается на ряд отдѣльныхъ факторовъ и т. д. Въ ряду соціально-психическихъ факторовъ П. Л. Лавровъ признавалъ господствующее значеніе экономическаго фактора въ историческія времена. Остальные теоретики народничества не отрицали значенія этого фактора, но Лавровъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые придавали ему особенно важное значеніе и приписывали роль болѣе существенную, чѣмъ другіе идеологи народничества.

Давая такую схему, П. Л. Лавровъ въ то же время отмѣтилъ и неодинаковое значеніе каждой группы въ различныя эпохи. Такъ, въ «первые періоды жизни человѣчества слабость его техники и также бѣдность его знанія ставили человѣка въ безусловную зависимость отъ природы». Съ ростомъ знанія вліяніе физико-химическихъ условій постепенно падаетъ, человѣкъ пріучается господствовать надъ ними... «Уже для Аннибала перестали существовать непроходимыя преграды Пиренеевъ и Альпъ. Для новой техники ни океаны не раздѣляютъ материковъ, ни перешейки не раздѣляютъ океановъ».

Такова вкратцѣ цѣльная схема теоріи факторовъ П. Л. Лаврова. Н. К. Михайловскій общей и полной схемы своего взгляда на этотъ вопросъ не далъ. Его главная заслуга въ этомъ отношеніи заключалась въ изученіи отдѣльныхъ факторовъ, до него обычно оставлявшихся въ тѣни. Никому другому, какъ именно ему, соціологія обязана открытіемъ важнаго значенія фактора внушенія и подражанія. Въ этомъ отношеніи его «Герои и толпа» и «Патологическая магія» были и останутся его неотъемлемой заслугой передъ соціологіей. Хронологически его теорія подражанія появилась раньше теоріи Тарда; по существу она нисколько не уступаетъ теоріи послѣдняго въ отношеніи глубины изслѣдованія и анализа. Выдвинувъ значеніе подражанія, Михайловскій не впалъ въ ошибку Тарда; онъ не пытался, какъ послѣдній всю механику общественной жизни объяснить однимъ подражаніемъ; наряду съ нимъ, онъ придавалъ громадное значеніе и всѣмъ другимъ факторамъ, каковы: знаніе, экономика, право, политика и т. д.

Дальнѣйшее развитіе эта теорія множественности факторовъ находитъ въ работахъ Н. И. Карѣева и, особенно, В. М. Чернова. Въ статьяхъ послѣдняго: «Монистическая точка зрѣнія» и, въ особенности «Новыя споры объ экономическомъ матеріализмѣ», дана вполнѣ точная и правильная постановка этого вопроса. В. М. Черновъ отрѣшается цѣликомъ отъ представленія фактора, какъ какой

силы, которая толкаетъ, вліяетъ и т. д. Вопросъ о факторахъ есть вопросъ о причинной или функціональной связи двухъ или большаго числа явленій общественной жизни.

Вмѣсто того, чтобы спрашивать: какой факторъ является главнымъ, а какой — второстепеннымъ, слѣдуетъ просто ставить вопросъ: находятся ли явленіе А и явленіе В въ причинной связи? Если, напримѣръ, повышеніе цѣны хлѣба сопровождается всегда увеличеніемъ числа преступленій,—этотъ фактъ говоритъ о наличности связи между ними. Изслѣдователю остается точно изучить эту связь, не заниматься пустымъ возведеніемъ одного фактора въ рангъ первой гильдіи, а другого—въ рангъ третьей гильдіи.

При такой постановкѣ, число «факторовъ» становится громаднымъ. Историческое объясненіе усложняется: вмѣсто единаго фактора, открывающаго всѣ тайны исторіи, на подобіе волшебнаго слова, открывающаго всѣ тайны Сезама, приходится имѣть дѣло съ множествомъ факторовъ, изучать вліяніе каждаго отдѣльно и въ соединеніи съ другими и только путемъ совокупнаго комбинированія ихъ эффектовъ объяснять процессы исторіи; какъ видимъ, работа безконечно болѣе сложная, чѣмъ оперированіе съ единымъ факторомъ. Но не всякая простота спасительна.

Старая медицина знахарей, лѣчившихъ всѣ болѣзни заговорами и нашептываніемъ, была несомнѣнно, проще современной медицины съ ея сложной системой рецептуры, но такъ же несомнѣнно, что современная медицина гораздо выше медицины вѣдуновъ и знахарокъ. То же нужно сказать и о теоріи народничества. Первая проще, но ея простота весьма мало способна дать объясненіе механики общественной жизни. Разъ уже простѣйшія явленія, какъ напримѣръ, механическое движеніе, физика принуждена объяснять двумя силами—инерціей и тяготѣніемъ, то объяснить сложнѣйшее явленіе — общественную жизнь—однимъ факторомъ—вещь явно и очевидно немыслимая. Мудрено ли, поэтому, что современная соціо-

логія идетъ не попути единаго фактора, а попути тес
народничества? Вмѣсто того, чтобы сводить исторію
рѣшенію уравненія съ однимъ извѣстнымъ, современ
соціологи выдѣляютъ все большее и большее число фак
ровъ, слѣдуя идеѣ, завѣщанной Контомъ и Спенсеро
Одни, въ родѣ Бугле и Дюркгейма, изучаютъ вліяніе
лигіи, другіе (Ювелинъ, Мауссъ) — вліяніе магіи, трет
вліяніе густоты населенія, четвертые раздѣленіе тру
пятые — вліяніе знанія, шестые — вліяніе расы и т.
и т. д.

То же мы видимъ и въ спеціальныхъ общественн
наукахъ. Здѣсь детализація факторовъ ушла еще дал
Рядъ авторовъ изучаютъ причинную связь алкоголизма
преступности; другіе—связь преступности и урожайнос
третіи—связь города и дѣтоубійствъ, четвертые — св
религіи и брачности, пятые—связь плотности населени
числа разводовъ и т. д. и т. д.

Короче говоря, эволюція какъ общей соціологіи,
и отдѣльныхъ наукъ, въ вопросѣ о факторахъ обществ
ной жизни цѣликомъ подтверждаетъ ту постановку эт
проблемы, которая дана была въ трудахъ теоретико
народничества и рѣшительно расходится съ монистичес
постановкой теоріи факторовъ...

Одинъ этотъ фактъ, помимо всякихъ другихъ соо
женій, говоритъ, что въ данномъ вопросѣ мы стоимъ
вполнѣ правильной позиціи. Поэтому, предоставимъ
би гелямъ простоты восхищаться ихъ волшебнымъ ключо
открывающимъ, якобы, всѣ тайны исторіи... Мы знае
что такого ключа нѣтъ. Мы шли и должны итти дорог
указанной теоретиками народничества, дорогой гора
болѣе сложной, но зато способной дать подлинные клю
для овладѣнія сложной механикой общественныхъ я
леній.

5
71980
НБ

722033